

Гюстав Лебон

Психология народов и масс. -- СПб.: "Макет", 1995. -- 316 с.

Фрагменты

Разве нейтралистский, самовластный и деспотический режим суровых якобинцев в действительности сильно отличался от централистского, самовластного и деспотического режима, который *пятнадцать веков монархии* глубоко вкоренили в души французов? После всех революций латинских народов всегда появляется этот суровый режим, эта *неизлечимая потребность быть управляемыми*. Не только благодаря ореолу своих побед Бонапарт сделался властелином. Пятьдесят лет спустя достаточно было появиться наследнику его имени, чтобы собрать *голоса целого народа, измученного свободой и жаждавшего рабства*. Не Брюмер сделал Наполеона, но душа народа, который почти добровольно шел под его железную пяту.

"По первому мановению, — пишет Тэн, — французы поверглись в повиновение и пребывают в нем, как в естественном положении. Низшие — крестьяне и солдаты — с животной верностью. Высшие — сановники и чиновники — с византийским раболепством. Со стороны республиканцев — никакого сопротивления. Напротив, именно среди них он нашел свои лучшие орудия управления: сенаторов, депутатов, членов государственного совета, судей, всякого рода администраторов. Тотчас под проповедью свободы и равенства он разгадал их самовластные инстинкты, их жажду командовать, притеснять. Сверх того у большинства их них есть страсть к деньгам и наслаждению. Между делегатом Комитета Общественного Спасения и каким-нибудь министром, префектом или супрефектом разница ничтожная. Это тот же человек, но в разных костюмах, сначала в тоге революционера, а потом в мундире чиновника".

Если влияние среды на человека столь велико, то главным образом потому что она действует на особенности или на скрытые задатки характера, которые, в сущности, определяют собой индивидуальные различия. В действительности природа всех людей существенно однотипна. Самый мирный человек под влиянием голода может доходить до степени ожесточения, которая приводит его к всевозможным преступлениям, а иногда даже к тому, что он пожирает своих ближних. Можно ли на основании этого сказать, что его природа окончательно изменилась?

Общее недовольство и волнения могут проистекать из того, что условия цивилизации приводят одних к чрезмерной роскоши, а у других создают очень большие потребности, не давая им средств их удовлетворения.

Психологические особенности масс подвергаются изменениям; но, подобно анатомическим признакам, они обладают очень большой устойчивостью. Вследствие этой устойчивости душа масс и изменяется так медленно в течение веков.

Мечтатели об абсолютном равенстве способствуют образованию цезаризма в его различных формах. Он может только легко привести к равенству в низости, к покорности в рабстве. Он очень приспособлен к низким потребностям вырождающихся народов, и поэтому, лишь только им представляется возможность, они возвращаются к нему. Первый попавшийся султан какого-нибудь генерала приводит их к нему.

Когда какой-нибудь народ дошел до этого, то час его пришел, и время его

завершилось. Этот цезаризм, появление которого история всегда видела во всех цивилизациях при самом первом их возникновении и при крайнем их упадке, теперь претерпевает явную эволюцию.

Психический склад народа представляет собой не только синтез составляющих ее живых существ, но в особенности — синтез всех предков, способствовавших ее образованию. Не только живые, но и мертвые играют преобладающую роль в современной жизни какого-нибудь народа. Они творцы его морали и бессознательные двигатели его поведения.

Когда сравниваешь между собой средние классы каждого народа, психические различия кажутся часто довольно слабыми. Они становятся, громадными, лишь только мы распространяем сравнение на высшие элементы. Тогда можно заметить, что главным отличием народов друг от друга служит то, что одни выделяют из своей среды известное число очень развитых мозгов, тогда как другие не выдвигают.

По мере того как народы поднимаются по лестнице цивилизации, их члены стремятся все больше различаться между собой. Неизбежный результат цивилизации — дифференциация индивидов и стран. Итак, не к равенству идут народы, но к большему неравенству.

Жизнь какого-нибудь народа и все проявления его цивилизации составляют простое отражение его души, его психического склада, известных способов чувствования и мышления, видимые знаки невидимой, но очень реальной вещи. Внешние события образуют только видимую поверхность определяющей их скрытой ткани.

Ни случай, ни внешние обстоятельства, ни в особенности политические учреждения не играют главной роли в истории какого-нибудь народа.

Скоплению людей различного происхождения удается образовать народ, т.е. сформировать в себе коллективную душу, только тогда, когда путем повторяющегося веками образа жизни в тождественной среде оно приобрело общие чувства, общие интересы, общие верования. У цивилизованных народов нет уже естественных рас, а существуют только искусственные, созданные историческими условиями.

Приобретение прочно сложенной коллективной души представляет собой для известного народа апогей его величия. Разложение этой души означает всегда час ее падения.

Психологические виды, как и анатомические, подвергаются действию времени. Они также осуждены стареть и угасать. Всегда очень медленно образуясь, они, напротив, могут быстро исчезать. Достаточно глубоко нарушить функционирование их органов, чтобы заставить их испытать регрессивные изменения, результатом которых бывает часто очень быстрое уничтожение. Народам нужны многие века, чтобы приобрести определенный психический

склад, и они его иногда теряют в очень короткое время. Восходящая дорога, которая ведет их на высокую ступень цивилизации, всегда очень длинна; покатость же, ведущая их к падению, чаще всего бывает очень короткой.

Рядом с характером нужно поставить идеи как один из главных факторов эволюции какой-нибудь цивилизации. Они действуют только тогда, когда после очень медленной эволюции преобразовались в чувства. Тогда они застрахованы от возражений, и требуется очень долгое время для их исчезновения. Каждая цивилизация происходит из очень небольшого числа общепринятых основных идей.

Среди наиболее важных руководящих идей какой-нибудь цивилизации находятся религиозные идеи. Из изменений религиозных верований непосредственно вытекало большинство исторических событий. История человечества всегда была параллельна истории его богов. Эти дети наших мечтаний имеют столь сильную власть, что даже имя их не может измениться без того, чтобы тотчас же не был

потрясен мир. Рождение новых богов всегда означало зарю новой цивилизации, и их исчезновение-всегда означало ее падение. Мы живем в один из тех исторических периодов, когда на время небеса остаются пустыми. В силу одного этого должен измениться мир. Самообожествляющиеся фигуранты пытаются занять место богов, и это им иногда удается.

Когда известное число этих индивидов образует действующую *толпу*, наблюдение указывает, что результатом такого сближения индивидов одной расы являются новые психологические черты, не только противопологающиеся характеру рас, но часто отличающиеся от него в значительной степени.

Организованная толпа всегда играла большую роль в жизни народов, но роль эта еще никогда не имела такого важного значения, как в данную минуту. Главной характерной чертой нашей эпохи служит именно замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы.

Низкая степень толпы в умственном отношении включает даже собрания избранных.

Социальные организмы столь же сложны, как и организмы всех существ, и не в нашей власти вызывать в них мгновенные изменения. Великие реформы бывают пагубны для народа, как бы они ни были хороши эти реформы в теоретическом отношении. Они могли бы принести пользу лишь в том случае, если бы можно было изменить душу наций, но таким могуществом обладает лишь время. Управляют людьми идеи, чувства, нравы, то, что мы носим в себе. Учреждения и законы являются лишь отражением нашей души, выражением наших нужд; поэтому-то они и не могут изменить душу народов, так как сами из нее происходят.

Сложность социальных фактов такова, что их нельзя объять все сразу и невозможно предвидеть результаты их взаимного влияния. Кроме того, за видимыми фактами весьма часто скрываются тысячи невидимых причин. Социальные же явления являются следствием громадной бессознательной работы, большей частью недоступной нашему анализу. Эти видимые явления можно сравнить с волнами, служащими на поверхности океана выражением подземных сотрясений его дна, которые нам неизвестны.

Наблюдая большинство поступков толпы, мы видим, что они чаще всего служат выражением ее замечательно низкого умственного уровня.

Великие перевороты, предшествующие изменению цивилизации, например, падение Римской империи или основание арабской, на первый взгляд определяются главным образом политическими переменами, нашествием иноплеменников, падением династий. Но более внимательное изучение этих событий указывает, что за этими кажущимися причинами чаще всего скрывается глубокое изменение идей народов. Истинно исторические перевороты — не те, которые поражают нас своим величием и силой. Единственные важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мысли людей. Перемены эти, однако, случаются редко, потому что самое прочное в каждой стране — это наследуемые основы ее мыслей.

Современная эпоха представляет собой один из таких критических моментов, когда человеческая мысль готовится к изменению. В основе этого изменения лежат два главных фактора. Первый — это разрушение религиозных, политических и социальных верований, давших начало всем элементам нашей цивилизации; второй — это возникновение новых условий существования и совершенно новых идей, явившихся следствием современных открытий в области наук и промышленности.

Идеи прошлого, хотя и наполовину разрушенные, все еще достаточно сильны; идеи же, которые должны их заменить, находятся пока еще в периоде своего образования — вот почему современная эпоха есть время переходное и

анархическое.

Умственные качества могут легко изменяться под влиянием воспитания. Открытия ума легко передаются от одного народа к другому. Основы стемлений не могут передаваться. Это неизменные основные элементы, которые составляют психический склад народов. Открытия, обязанные уму, составляют общее достояние человечества; традиции социального поведения составляют достояние каждого народа. Это — утес, в который волна должна бить изо дня в день в течение веков, чтобы обточить его контуры.

Роль энергии в истории колоссальна. Энергия народа определяет его историческое развитие. Только благодаря ей 60 тысяч англичан веками держали под своей властью 250 миллионов индийцев, из которых многие по крайней мере равны им по уму, а некоторые неизмеримо превосходили их эстетическим вкусом и глубиной философских воззрений. Только на энергии основываются общества, религии и империи. Энергия дает народам возможность чувствовать и действовать. Одного только умения рассуждать недостаточно.

Токвиль в приводимых ниже словах очень ясно показал это постепенное дифференцирование социальных слоев и притом в такую эпоху, когда промышленность была еще очень далека от той ступени развития, какой она достигла в настоящее время... "По мере того, как принцип разделения труда получает более полное приложение, рабочий становится все слабее, ограниченнее и зависимее. Искусство делает успехи, ремесленник идет назад. Хозяин и работник с каждым днем все более отличаются друг от друга".

Возьмемте Францию, одну из мировых стран, испытавших наиболее глубокие перевороты, где в несколько лет учреждения изменялись по виду самым коренным образом, где партии кажутся не только различными, но как будто даже несовместимыми между собой. Но если мы посмотрим с психологической точки зрения на эти по-видимому столь несходные, на эти вечно борющиеся партии, то нам придется констатировать, что они в действительности обладают совершенно одинаковым общим фондом. Непримиимые, радикалы, монархисты, социалисты, одним словом, все защитники самых различных доктрин преследуют под разными ярлыками совершенно одинаковую цель: поглощение личности государством. То, чего они одинаково горячо все желают, — это старый нейтралистский и цезаристский режим, государство, всем управляющее, все регулирующее, все поглощающее, регламентирующее малейшие мелочи в жизни граждан и увольняющее их таким образом от необходимости проявлять хоть малейшие проблески размышления и инициативы. Пусть власть, поставленная во главе государства, называется королем, императором, президентом, коммуной, рабочим синдикатом и, т.д., все равно эта власть, какова бы она ни была, обязательно будет иметь один и тот же идеал. Она другого не допустит.

Нервозность, большая склонность к недовольству существующим, идея, что новое правительство сделает нашу участь более счастливой, приводят нас к тому, что мы непрерывно меняем во Франции свои учреждения. Бессознательная власть традиций такова, что мы даже не замечаем иллюзии, жертвами которой являемся.

Если обращать внимание только на внешность, то трудно, конечно, представить себе другой режим, который бы сильнее отличался от старого, чем созданный нашей великой революцией. В действительности, однако, и в этом нельзя сомневаться, она только продолжала королевскую традицию, заканчивая дело централизации, начатой монархией несколько веков перед тем. Если бы Людовик XIII и Людовик XIV вышли из своих гробов, чтобы судить дело революции, то им, несомненно, пришлось бы осудить некоторые из насилий, сопровождавших его осуществление, но они рассматривали бы его как строго согласное с их традициями и с их программой, и признали бы, что если бы какому-нибудь министру было ими поручено привести в

исполнение эту программу, то он не выполнил бы ее лучше. Они сказали бы, что наименее революционное из правительств, какие когда-либо знала Франция, есть именно правительство революции. Кроме того они констатировали бы, что в течение столетия ни один из различных режимов, следовавших друг за другом во Франции, не пытался трогать этого дела: до такой степени оно — продукт правильного развития, продолжение монархического идеала и выражение идеала народа. Без сомнения, эти славные выходцы с того света, ввиду их громадной опытности, представили бы некоторые критические замечания и, может быть, обратили бы внимание на то, что "новый строй", заменив правительственную аристократическую касту бюрократической, создал в государстве безличную власть, более значительную, чем власть старой аристократии, потому что одна только бюрократия, ускользая от влияния политических перемен, обладает традициями, корпоративным духом, безответственностью, постоянством, т.е. целым рядом условий, обязательно ведущих ее к тому, чтобы стать единственным властелином в государстве. Впрочем, я полагаю, что они не особенно настаивали бы на этом возражении, принимая во внимание то, что народы, мало заботясь о свободе, но очень много — о равенстве, легко переносят всякого рода деспотизм.

Может быть, они еще нашли бы совершенно излишними и очень тираническими те бесчисленные постановления, те тысячи пут, которые окружают ныне малейший акт жизни, и обратили бы внимание на то, что если государство все поглотит, все обставит ограничениями, лишит граждан всякой инициативы, то мы добровольно очутимся, без всякой новой революции, в полном социализме. Но тогда поняли бы, что социализм есть не что иное, как крайнее выражение монархической идеи, для которой революция была ускорительной фазой.

Итак, в учреждениях какого-нибудь народа мы одновременно находим те случайные обстоятельства, и постоянные законы. Случайные обстоятельства создают только названия, внешность. Основные же законы вытекают из народного характера и создают судьбу наций.

Выше изложенному примеру мы можем противопоставить пример другой исторической традиции — английской, характер которой совершенно отличен от французского. Вследствие этого факта ее учреждения коренным образом отличаются от французских. Имеют ли англичане во главе себя монарха, как в Англии, или президента, как в Соединенных Штатах, их образ правления будет всегда иметь те же основные черты: деятельность государства будет доведена до минимума, деятельность же частных лиц — до максимума, что составляет полную противоположность менее энергическому идеалу. Порты, каналы, железные дороги, учебные заведения будут всегда создаваться и поддерживаться личной инициативой, но никогда не инициативой государства. Этот перевес личной инициативы должен особенно наблюдаться в Америке. В Англии он за последние годы значительно понизился, и государство, по-видимому, начинает там делать все большие и большие захваты.

Ни революции, ни конституции, ни деспоты не могут давать какому-нибудь народу тех качеств характера, какими он не обладает, или отнять у него имеющиеся качества, из которых проистекают его учреждения. Не раз повторялась та мысль, что каждый народ имеет ту форму правления, какую он заслуживает.

Эти примеры я беру в стране, где живут бок о бок, почти в одинаковых условиях среды, две европейские расы, одинаково цивилизованные и развитые, но отличающиеся только своим характером: я хочу говорить о континенте *Америка*.

Она состоит из двух отдельных материков, соединенных перешейком. Величина каждого из этих материков почти равна, почвы их очень сходны между собой. Один из них был завоеван и населен протестантами, другой — католиками. Эти два материка живут под одинаковыми республиканскими конституциями, так как все

республики Южной Америки списывали свои конституции с конституций Соединенных Штатов. Итак, у нас нет ничего такого, чем мы могли бы объяснить себе различные судьбы этих народов, кроме исторической культурных традиций. Посмотрим, что произвели эти различия.

Преобладающими чертами протестантизма являются: запас воли, неукротимая энергия, очень большая инициатива, абсолютное самообладание, чувство независимости, доведенное до крайней необщительности, могучая активность, очень живучие религиозные чувства, очень стойкая нравственность и очень ясное представление о долге.

С точки зрения интеллектуальной можно отметить здравый рассудок, позволяющий схватывать на лету практическую и положительную сторону вещей и не блуждать в химерических изысканиях; очень живое отношение к фактам и умеренно-спокойное к общим идеям и к религиозным традициям.

К этой общей характеристике следует прибавить еще тот полный оптимизм человека, жизненный путь которого совершенно ясен и который даже не предполагает, что можно выбрать лучший. Он всегда знает, что требуют от него его отечество, его семья и его религия.

Все черты, которые только что перечислены нами, можно отыскать в различных общественных слоях; нельзя назвать ни одного элемента английской цивилизации, на который бы они не наложили своего глубокого отпечатка. Разве не поражает это сразу каждого иностранца, посетившего впервые Англию? Он заметит потребность независимой жизни в хижине самого скромного работника, — помещении, правда, тесном, но защищенном от всякого принуждения и уединенном от всякого соседства; на наиболее посещаемых вокзалах, где беспрерывно циркулирует публика, не будучи загоняема, как стадо баранов за барьер, охраняемый жандармом, как будто только силой можно обеспечить безопасность людей, не способных находить в себе самих доли необходимого внимания, чтобы не задавить друг друга. Он найдет энергию расы как в напряженном труде работника, так и в труде учащегося, который будучи предоставлен самому себе с малых лет, научается один руководить собою, зная уже, что в жизни никто не станет заниматься его судьбой, кроме него самого. У профессоров, очень умеренно налегающих на учение, но зато обращающих усиленное внимание на выработку характера, который они считают одним из величайших двигателей в мире.

Уполномоченный английской королевой определить условия получения ежегодного приза, назначенного ею для Колледжа Веллингтона, принц Альберт решил, что он будет присуждаться не тому воспитаннику, который оказал наибольшие успехи в науках, но тому, за кем будет признан наиболее возвышенный характер. Все наше образование (понимая под ним то, что мы считаем высшим образованием) заключается в том, чтобы заставлять молодежь пересказывать лекции. Она и впоследствии до такой степени сохраняет эту привычку, что продолжает повторять давно затверженное в продолжение всей остальной своей жизни.

Вникая в общественную жизнь гражданина, он увидит, что если нужно исправить источник в селе, построить морской порт или проложить железную дорогу, то апеллируют всегда не к государству, а к личной инициативе. Продолжая свое исследование, он скоро узнает, что этот народ истинно свободен, потому что он только один научился искусству самоуправления и сумел оставить за правительством минимум деятельной власти. Если пробегаешь его историю, то видишь, что он первый сумел освободиться от всякого господства — как от господства церкви, так и от господства автократов.

Уже с XV века Фортестью противопоставлял римский закон английскому закону: один является делом автократизма и весь проникнут тем, чтобы пожертвовать

личностью; другой — дело общей воли и всегда готовый защищать личность".

Но особенно в такой новой стране, как Америка, можно следить за теми удивительными успехами, которые обязаны своим существованием только душевному складу английской традиции. Ей нужно было менее одного столетия, чтобы стать в первом ряду великих мировых держав, и ныне нет никого, кто бы мог вступить в состязание с нею. Я рекомендую прочесть книгу М. Рузье о Соединенных Штатах лицам, желающим составить себе понятие об огромной массе инициативы и личной энергии, расходуемой гражданами великой республики. Способность людей самоуправляться, объединяться для учреждения крупных предприятий, основывать города, школы, гавани, железные дороги и т.д. доведена до максимума и деятельность государства низведена до минимума. Помимо полиции и дипломатического представительства, даже нельзя придумать, к чему государственная власть могла бы служить.

Иммиграции иностранцев не могут изменить основного духа народа. Условия существования таковы, что тот, кто не обладает этими качествами, осужден на быструю гибель. В этой атмосфере, насыщенной независимостью и энергией, может жить только энергичный и независимый человек. Великая республика есть, конечно, земля свободы, но вместе с тем, она не земля ни равенства, ни братства. Ни в одной стране на земном шаре естественный отбор не давал сильнее чувствовать своей железной лапы. Он здесь проявляется безжалостно; но именно вследствие его безжалостности, обществу, образованию которой он способствовал, сохраняет свою мощь и энергию. На почве Соединенных Штатов нет совсем места для слабых, заурядных и неспособных.

Если бы нужно было определить двумя словами различие между континентальной Европой и Соединенными Штатами, то можно было бы сказать, что первая представляет максимум того, что может дать официальная регламентация, заменяющая личную инициативу; вторые же — максимум того, что может дать личная инициатива, свободная от официальной регламентации.

Не на почве суровой республики имеет шансы привиться европейский социализм. Будучи последним выражением тирании государства, он может процветать только у старых рас, подчинявшихся в продолжение веков режиму, отнявшему у них всякую способность управлять самими собой.

Мы только что видели, что произвели в одной части Америки люди, обладающая известным душевным складом, в котором преобладают настойчивость, энергия и воля. Нам остается показать, что стало почти с той же самой страной в руках других народов, носителей иной исторической культурно-религиозной традиции.

Южная Америка, с точки зрения своих естественных богатств, — одна из богатейших стран на земном шаре. В два раза большая, чем Европа, и в десять раз менее населенная, она не знает недостатка в земле и находится, так сказать, в распоряжении каждого. Ее преобладающее население — католического происхождения и разделено на много республик: Аргентинскую, Бразильскую, Чилийскую, Перуанскую, и т.д. Все они заимствовали свой политический строй от Соединенных Штатов и живут, следовательно, по одинаковым законам. И за всем тем, в силу одного только исторического различия, т.е. вследствие недостатка тех основных качеств, какими обладает раса, населяющая Соединенные Штаты, все эти республики без единого исключения являются постоянными жертвами самой кровавой анархии, и, несмотря на удивительные богатства их почвы, одни за другими впадают во всевозможные хищения, банкротство и деспотизм. Велики глубины их несчастий. Причины его коренятся в душевном складе народов, не имеющих ни энергии, ни воли, ни самоуправления.

"Эти страны, — замечает Чайльд, говоря о различных испано-американских республиках, — находятся под ферулой президентов, пользующихся столь же

неограниченным самодержавием, как и турецкий султан; даже более неограниченным, поскольку они защищены от назойливости и влияния европейской дипломатии. Административный персонал состоит только из их креатур, граждане подают голос за то, что им кажется хорошим, но он не обращает никакого внимания на их голосования... Аргентинская республика — республика только по имени; в действительности это олигархия людей, сделавших из политики торговлю".

Верить, что формы правления и конституции имеют определяющее значение в судьбе народа — значит предаваться мечтам. Только в нем самом находится его судьба, но не во внешних обстоятельствах. Все, что можно требовать от правительства, — это то, чтобы оно было выразителем чувств и идей народа, управлять которым оно призвано. Нет ни форм правления, ни учреждений, относительно которых можно было бы сказать, что они абсолютно хороши или абсолютно дурны. Ирландец и англичанин, славянин и венгр, араб и француз могут быть удерживаемы под одними законами с величайшими трудностями и ценой непрерывных революций.

Большие империи, состоящие из различных народов, всегда осуждены на эфемерное существование. Если они существовали иногда продолжительное время, как империя моголов, а потом англичане в Индии, то с одной стороны — потому что туземные племена были до такой степени многочисленны, до того различны и, следовательно, до того враждебны друг другу, что они не могли и думать о том, чтобы соединиться против иностранцев; с другой стороны — потому что эти чужеземные властелины имели довольно верный политический инстинкт, чтобы уважать обычаи покоренных народов и предоставить им жить по своим собственным законам.

Более глубокое изучение психологического склада народов должно было бы стать основанием для политики и для педагогики. Можно даже сказать, что это изучение избавило бы людей от бездны ошибок и многих переворотов, если бы народы вообще могли избежать злополучия, вытекающих из свойств их расы, если бы голос разума не заглушался всегда повелительным голосом предков.

Поскольку элементы какой-нибудь цивилизации соответствуют известному, вполне определенному душевному складу, созданному долгим воздействием культуры и религии, было бы невозможно переменить их, не изменив одновременно душевного склада народа. Одни только века воздействия воспитания, учреждений и законов, а не завоеватели, могут выполнить подобный труд. Только через ряд последовательных этапов, аналогичных тем, через которые проходили варвары, разрушители греко-римской цивилизации, народ может подниматься по лестнице цивилизации. Он должен пройти его сам - с помощью самовоспитания, а не посредством перевоспитания. Для этого нужны время и последовательность этапов.

Если какой-нибудь народ принял верования, учреждения, язык и искусство, отличные от тех, какие были у его предков, то в действительности это возможно только после того, как он их медленно и глубоко изменил с тем, чтобы привести в соответствие со своим душевным складом.

Легко меняются только названия вещей, между тем как сущности, скрывающиеся за этими словами, продолжают жить и изменяются только крайне медленно. Искусство, язык, учреждения, верования народов находятся в связи с известным душевным складом и не могут круто меняться и механически переходить от одного народа к другому. В истории именно религиозных верований можно найти лучшие примеры, чтобы доказать, что народу так же невозможно круто изменить элементы своей цивилизации, как индивиду изменить свой рост или цвет своих глаз.

Лучший пример представляет нам буддизм, который после того, как был перенесен в Китай, до того стал там неузнаваем, что ученые сначала приняли его за самостоятельную религию и потребовалось очень много времени, чтобы узнать, что

эта религия — просто видоизмененный буддизм. Китайский буддизм вовсе не буддизм Индии, сильно отличающийся от буддизма Непала, а последний, в свою очередь, удаляется от буддизма Цейлона. В Индии буддизм был только схизмой предшествовавшего ему браманизма (от которого он в сущности очень мало отличается), точно так же, как в Китае — схизмой прежних верований, к которым он тесно примыкает.

Даже ислам, несмотря на простоту его монотеизма, не избег этого закона: существует громадное расстояние между исламом Персии, Аравии и Индии. Индия, в сущности политеистическая, нашла средства сделать политеистической наиболее монотеистическую из религий. Для 50 миллионов мусульман-индусов Магомет и святые ислама являются только новыми божествами, прибавленными к тысячам других. Ислам даже не успел установить того равенства всех людей, которое в других местах было одной из причин его успеха: мусульмане Индии применяют, подобно другим индийцам, систему каст. Среди дравидийских народностей ислам стал до того неузнаваем, что нельзя его более отличать от браманизма; он бы от него вовсе не отличался, если бы не имя Магомета и не мечеть, где поклоняются обоготворенному пророку.

И религии Европы не ускользнули от общего закона — видоизменяться сообразно с вековыми традициями принимающих их народов. Под общим названием христиан мы находим в Европе настоящих язычников, например, нижнебретонцев, молящихся идолам; политеистов, например, итальянцев, почитающих за различные божества Мадонн каждого селения. Ведя исследование дальше, можно показать, что великий религиозный раскол реформации был необходимым следствием развития капитализма. Макс Вебер.

Учреждения в действительности составляют только следствие необходимости, на которые воля одного поколения не может оказать никакого действия. Для каждого народа и для каждой фазы развития этого народа существуют условия существования, чувств, мыслей, мнений, исторических влияний, предполагающих одни учреждения и исключаяющих другие. Правительственные ярлыки очень мало значат. Никогда не было дано какому-нибудь народу выбирать учреждения, которые казались ему лучшими. Если очень редкий случай позволяет ему их выбирать, то он не умеет их сохранять. Многочисленные революции, непрерывные изменения конституций, которым французы предаются уже в продолжение века, составляют опыт, который должен был бы уже давно выработать у государственных людей определенный взгляд на этот счет. Я, впрочем, думаю, что только в голове темных масс и в узкой мысли некоторых фанатиков способна еще держаться та идея, что важные общественные перемены могут совершаться путем декретов. Единственная полезная роль учреждений заключается в том, чтобы дать законную санкцию изменениям, которые уже приняты нравами и общественным мнением. Они следуют за этими переменами, но не предшествуют им. Не учреждениями изменяются характер и мысль людей. Не ими можно сделать народ религиозным или скептиком, научить его руководить самим собою вместо того, чтобы беспрестанно требовать от государства обуздывающих его мер.

Итак, история цивилизации состоит из медленных приспособлений, из ничтожных постепенных изменений. Если они нам кажутся внезапными и значительными, то потому, что мы, как в геологии, пропускаем промежуточные фазы и рассматриваем только крайние.

Инерционность исторических процессов чрезвычайно велика. Но темпы перемен увеличиваются. Все народы, следовавшие друг за другом в истории, усваивали элементы цивилизации, составлявшие наследие прошлого, изменяя их сообразно своему душевному складу. Развитие цивилизаций совершалось бы несравненно медленнее, и история различных народов была бы только вечным повторением,

если бы они не могли воспользоваться материалами, выработанными до них. Цивилизации, созданные 7 или 8 тысяч лет тому назад жителями Египта и Халдеи, образовали источник материалов, куда поочередно приходили черпать все нации. Греческое искусство родилось из искусства, созданного на берегах Тигра и Нила. Из греческого стиля получился римский, который в свою очередь, смешанный с восточными влияниями, дал начало последовательно византийскому, романскому и готическому стилям, разнообразящимся в зависимости от гения и возраста народов, у которых они возникли, но имеющим общее происхождение.

То, что мы сейчас сказали об искусстве, приложимо ко всем элементам цивилизации, учреждениям, языкам и верованиям. Европейские языки происходят от одного языка-праотца, на котором некогда говорили жители центрального плоскогорья Азии. Наше право — детище римского права, которое в свою очередь родилось от предшествовавших систем права. Сами наши науки не были бы тем, что они представляют собой теперь, без медленной работы веков. Великие основатели современной астрономии: Коперник, Кеплер, Ньютон находятся в связи с Птолемеем, сочинения которого служили учебными руководствами вплоть до XV века; Птолемею же примыкает чрез Александрийскую школу к египтянам и халдеям. Мы видим, таким образом, несмотря на страшные пробелы, которыми полна история цивилизации, медленную эволюцию наших знаний, заставляющую нас восходить чрез века и империи к заре этих древних цивилизаций, причем эти последние современная наука связывает с теми первобытными временами, когда человечество не имело еще истории.

Показав, что психологические черты масс обладают большой устойчивостью и что из этих черт вытекает история народов, мы прибавили, что психологические элементы могли, подобно анатомическим, под конец преобразоваться медленными наследственными накоплениями. Большой частью от этих изменений зависит развитие цивилизаций. Факторы, способные вызывать психологические перемены, весьма разнообразны. К числу их относятся: потребности, борьба за существование, действие среды, успехи знаний и промышленности, воспитание, верования и проч.

Изучение различных цивилизаций, следовавших друг за другом от начала мира, показывает, что руководящая роль в их развитии всегда принадлежала очень незначительному числу основных идей. Если бы история народов сводилась к истории их идей, то она никогда бы не была очень длинной. Когда какая-нибудь цивилизация успела создать в век или в два основные идеи в области искусств, наук, литературы и философии, то можно рассматривать ее как исключительно блестящую.

Ход какой-нибудь цивилизации вытекает главным образом из характера, т.е. из исторически преемственных чувств народа, у которого эта цивилизация проявилась. Эти наследуемые чувства имеют большую прочность, но что они могут под конец измениться под влиянием различных факторов. В ряд этих факторов следует поставить *влияние идей*.

Но идеи могут оказать настоящее действие на душу народов только когда они, после очень медленной выработки, спустились из подвижных сфер мысли в ту устойчивую и бессознательную область чувств, где вырабатываются мотивы наших поступков. Они составляют тогда некоторым образом часть характера и могут влиять на поведение.

Когда идеи подверглись уже этой медленной выработке, сила их очень значительна, потому что разум перестает иметь власть над ними.

Если идеи могут оказать влияние только после того, как они медленно спустились из сознательных сфер в сферу бессознательного, то нетрудно понять, с какой медленностью они должны изменяться, а также почему руководящие идеи какой-нибудь цивилизации столь немногочисленны и требуют так много времени для

своего развития. В противном случае цивилизации не могли бы иметь никакой прочности.

Новые идеи могут в конце концов заставить принять себя, ибо если бы старые идеи остались совершенно неподвижными, то цивилизации не могли бы совершать никакого прогресса. Ввиду медленности наших психических изменений нужно много человеческих поколений, чтобы дать восторжествовать новым идеям и еще много человеческих поколений, чтобы заставить их исчезнуть. Наиболее цивилизованные народы — те, руководящие идеи которых сумели держаться на равном расстоянии от изменчивости и устойчивости. История устлана останками тех, которые не были в состоянии сохранить этого равновесия.

Средние века жили двумя основными идеями: религиозной и феодальной. Из этих двух идей вытекало их искусство, литература и их понятия о жизни. В эпоху Возрождения обе эти идеи немного изменяются; идеал, найденный в древнем греко-латинском мире, воспринимается Европой, и скоро понятие о жизни, искусство, философия и литература начинают преобразовываться. Потом начинает колебаться авторитет предания, научные истины заменяют собой постепенно откровенную истину, и снова преобразовывается цивилизация. В настоящее время старые религиозные идеи явно окончательно потеряли большую часть своей власти, и вследствие этого одно все общественные учреждения, опиравшиеся на нее, угрожают рухнуть.

Каждый элемент цивилизации: философия, религия, искусство, литература и т.д., подчинен очень небольшому числу руководящих идей, развитие которых чрезвычайно медленно. Сами науки не избегают этого закона. Вся физика вытекает из идеи сохранения энергии, вся биология — из идеи трансформизма (изменяемости), и история этих идей показывает, что хотя последние обращаются к самым просвещенным умам, но устанавливаются они только мало-помалу и с трудом. В наше время, когда все идет так быстро, и притом в сфере исследований, где не говорят уже ни страсти, ни интересы, для установления основной научной идеи требуется не меньше двадцати пяти лет. Наиболее ясные, наиболее легкие для доказательства идеи, которые должны были давать меньше всего поводов для споров (например, идея кровообращения), потребовали не меньше времени.

Будет ли это научная, художественная, философская, религиозная, одним словом, какая бы то ни была идея, распространение ее совершается всегда одинаковым способом. Нужно, чтобы она сначала была принята небольшим числом апостолов, которым сила их веры или авторитет их имени дают большой престиж. Они действуют тогда более внушением, чем доказательствами. Не в достоинстве какого-нибудь доказательства следует искать существенные элементы механизма убеждения. Внушают свои идеи престижем, которым обладают, или обращаясь к страстям, но нельзя произвести никакого влияния, если обращаться только к разуму.

Массы не дают себя никогда убеждать доказательствами, но только утверждениями, и авторитет этих утверждений зависит от того обаяния, каким пользуется тот, кто их высказывает.

Когда апостолы успели уже убедить небольшой кружок своих учеников и образовали таким образом новых апостолов, новая идея начинает входить в область спорного. Она сначала поднимает против себя всеобщую оппозицию, потому что сильно задевает много старых и установленных вещей. Апостолы, ее защищающие, естественно, возбуждаются этой оппозицией, убеждающей их только в их превосходстве над остальными людьми, и они защищают с энергией новую идею не потому что она истинна, чаще всего они ничего этого не знают, но просто потому, что они ее приняли. Новая идея тогда все больше и больше обсуждается, т.е. в действительности принимается без оговорок одними и отвергается без оговорок другими. Обмениваются утверждениями и отрицаниями и очень немногими

аргументами, так как они не могут служить единственными мотивами принятия или отвержения какой-нибудь идеи для громадного большинства людей, как мотивы чувства, в которых рассуждения не могут играть никакой роли.

Благодаря этим всегда страстным дебатам, идея прогрессирует очень медленно. Новые поколения, видя, что она оспаривается, склонны принять ее в силу одного того, что она оспаривается. Для молодежи, всегда жаждущей независимости, полная оппозиция принятым идеям представляет самую доступную для нее форму проявлять свою оригинальность.

Итак, идея продолжает расти и скоро она уже не будет нуждаться ни в какой поддержке. Ее распространение теперь станет совершаться повсюду одним только действием подражания, путем заражения, способностью, которой люди вообще одарены в той же степени, как и человекообразные обезьяны.

С того времени, как вмешался механизм заражения, идея вступает в фазу, приводящую ее быстро к успеху. Общественное мнение принимает ее скоро. Она приобретает тогда проникающую и непреодолимую силу, покоряющую ей все умы, создавая, вместе с тем, специальную атмосферу, общую манеру мышления. Как тонкая пыль, проникающая всюду, она проскальзывает во все понятия и умственные продукты известной эпохи. Идея и выводы из нее составляют тогда часть того запаса наследуемых банальностей, который навязывается нам воспитанием. Она восторжествовала и вошла в область чувства, что впредь ее ограждает на долгое время от всяких посягательств.

Из различных идей, руководящих цивилизацией, одни, относящиеся, например, к искусству или к философии, остаются в высших слоях; другие, особенно относящиеся к религиозным и политическим понятиям, спускаются иногда в глубину масс. Последние доходят туда обыкновенно сильно искаженными, но когда им уже удалось туда проникнуть, то власть, какую они имеют над первобытными, неспособными к рассуждению умами, громадна. Идея представляет собой тогда что-то непобедимое, и ее следствия распространяются со стремительностью потока, которого не может

удержать никакая плотина. Тогда-то и вспыхивают те великие события, которые создают исторические перевороты и которые могут совершить одни только массы. Не учеными, не художниками и не философами основывались новые религии, управлявшие миром, ни те громадные империи, которые простирались от одного полушария до другого, ни те великие религиозные и политические революции, которые перевернули Европу, но людьми, достаточно поглощенными известной идеей, чтобы пожертвовать своей жизнью для ее распространения. С этим очень ничтожным в теории, но очень сильным на практике, багажом кочевники аравийских пустынь завоевали часть древнего греко-римского мира и основали одну из величайших империй, какие когда-либо знала история. С подобным же нравственным багажом, преданностью идее, героические солдаты Конвента победоносно отражали коалицию вооруженной Европы.

Сильное убеждение непобедимо, пока оно не встретилось с таким же сильным убеждением: последнее может бороться против первого с шансами на победу. У веры нет другого более серьезного врага, чем вера. Она уверена в победе, когда физическая сила, которую против нее выставляют, служит слабым чувствам и ослабленным верованиям. Но если она находится лицом к лицу со столь же сильной верой, то борьба становится очень оживленной и успех тогда решается случайными обстоятельствами, большей частью нравственного порядка, каковы дух дисциплины и лучшая организация.

История доказывает многочисленными примерами, что когда сталкиваются между собой одинаково могущественные моральные силы, то одерживают верх всегда лучше организованные. Вандейцы, наверное, имели очень живую веру; это были

очень сильно убежденные люди; с другой стороны и солдаты Конвента имели также очень стойкие убеждения, но так как они были в военном отношении лучше организованы, то и одержали верх. В религии, как и в политике, успех всегда принадлежит верующим, но никогда — скептикам, и если в настоящее время кажется, что будущее принадлежит социалистам, несмотря на явную незрелость их учений, то лишь потому что только они горячо верят в спасительность своих идеалов. Современные правящие классы потеряли веру в плодотворность своей деятельности. Они не верят ни во что, даже в возможность защищаться от угрожающей волны варваров, окружающих их со всех сторон.

Когда после более или менее долгого периода блужданий, переделок, пропаганды какая-нибудь идея приобрела определенную форму и проникла в душу масс, то она образует догмат, т.е. одну из тех абсолютных истин, которые уже не оспариваются. Она составляет тогда часть тех общих верований, на которых держится существование народов. Ее универсальный характер позволяет ей тогда играть преобладающую роль. Великие исторические эпохи, такие как век Августа или век Людовика XIV, — те, в которых идеи, выйдя из периода блужданий и обсуждения, утвердились и стали верховными властительницами мысли людей. Они становятся тогда светящими маяками и все, что им приходится освещать своим светом, принимает их окраску.

С того времени, как новая идея водворилась в мире, она кладет свою печать на малейшие элементы цивилизации; но чтобы эта идея могла произвести все свои следствия, всегда нужно, чтобы она проникла в душу масс. С интеллектуальных вершин, где идея часто зарождалась, она спускается от слоя к слою, беспрестанно изменяясь и преобразуясь, пока не примет формы, доступной для народной души, которая ей и подготовит торжество. Она может быть тогда выражена в нескольких словах, а иногда даже в одном слове, но это слово вызывает яркие образы, то обольстительные, то страшные, и, следовательно, всегда производящие сильное впечатление. Таковы рай и ад в средние века — короткие слова, имеющие магическую силу отвечать на все и для простых душ объяснять все. Слово социализм представляет собой для современного рабочего одну из магических синтетических формул, способных властвовать над душами. Она вызывает в зависимости от среды, в которую проникала, различные образы, но обычно сильно действующие, несмотря на их всегда зачаточные формы.

У французского теоретика слово "социализм" вызывает представление о каком-то рае, где люди равные, справедливые, добрые, и все, ставшие работниками, будут наслаждаться под покровительством государства идеальным счастьем. Для немецкого рабочего вызванный образ представляется в виде накуренного трактира, где правительство предлагает даром каждому проходящему громадные пирамиды сосисок с кислой капустой и бесконечное число кружек пива. Понятно, что ни один из таких мечтателей о кислой капусте и равенстве не потрудился узнать действительную сумму вещей, подлежащих разделу, или число участников в дележе. Особенность этой идеи заключается в том, что она внушается в безусловной форме, против которой бессильны всякие возражения.

Когда идея постепенно преобразовалась в чувство и сделалась догматом, торжество ее обеспечено на долгий период и всякие попытки поколебать ее были бы напрасны. Несомненно, что и новая идея подвергнется в конце концов участи идеи, которую ей удалось заместить. Эта идея состарится и придет в упадок; но прежде, чем стать совершенно негодной, ей придется испытать целый ряд регрессивных изменений и странных искажений, для осуществления которых потребуется много поколений. Прежде чем окончательно умереть, она будет долгое время составлять часть старых унаследованных идеи, которые называют предрассудками, но которые мы, однако, уважаем. Старая идея даже тогда, когда она не более, как слово, звук,

мираж, обладает магической властью, способной еще подчинять нас своему влиянию.

Так держится это старое наследие отживших идей, мнений, условностей, которые мы благоговейно принимаем, хотя они не выдержали бы малейшего прикосновения критики, если бы нам вздумалось исследовать их. Но много ли людей, способных разобраться в своих собственных мнениях, и много ли найдется таких мнений, которые могли бы устоять даже после самого поверхностного исследования?

Критический дух составляет высшее, очень редкое качество, между тем как подражательный ум представляет собой весьма распространенную способность: громадное большинство людей принимает без критики все установившиеся идеи, какие ему доставляет общественное мнение и передает воспитание.

Таким-то образом через воспитание, среду, подражание и общественное мнение люди каждого века получают известную сумму средних понятий, которые делают их похожими друг на друга, и притом до такой степени, что когда они уже лежат под тяжестью веков, то по их художественным, философским и литературным произведениям мы узнаем эпоху, в которую они жили. Конечно, нельзя сказать, чтобы они составляли точные копии друг с друга; но то, что было у них общего — одинаковые способы чувствования и мышления — необходимо приводило к очень родственным произведениям.

Как раз эта сеть общих традиций, идей, чувств, верований, способов мышления составляет душу народа. Эта душа тем устойчивее, чем крепче указанная сеть. В действительности она и только она одна сохраняет нации, не имея возможности разорваться без того, чтобы не распались тотчас же эти нации. Она составляет разом и их настоящую силу, и их настоящего властелина. Иногда представляют себе азиатских монархов в виде деспотов, которые ничем не руководствуются, кроме своих фантазий. Напротив, эти фантазии заключены в чрезвычайно тесные пределы. В особенности на Востоке сеть традиций очень крепка. Религиозные традиции, столь поколебленные у нас, там сохранили свою силу, и самый своенравный деспот никогда не оскорбит *традиций и общественного мнения* — этих двух властелинов, которые, как он знает, значительно сильнее его самого.

Современный цивилизованный человек живет в одну из тех критических эпох истории, когда вследствие того, что старые идеи, от которых происходит его цивилизация, потеряли свою власть, а новые еще не образовались, критика терпима. Ему нужно перенестись мысленно в эпохи древних цивилизаций или только на два или три века назад, чтобы понять, чем было тогда его обычая и общественного мнения, и чтобы знать, сколько нравственного мужества надо было иметь новатору, чтобы напасть на эти две силы.

Современный человек ищет еще идей, которые могли бы служить основанием для будущего социального строя, и тут кроется опасность для него. Важны в истории народов и глубоко влияют на их судьбу не революции, не войны — следы их опустошений скоро изглаживаются, — но перемены в основных идеях. Они не могут совершиться без того, чтобы одновременно все элементы цивилизации не были осуждены на преобразование. Настоящие революции, действительно опасные для существования известного народа, — это те, которые касаются его мысли.

Не столько опасно для какого-нибудь народа принятие новых идей, сколько непрерывная проба идей, на что он неминуемо обречен, прежде чем найти ту из них, на которой он мог бы прочно обосновать новое социальное здание, предназначенное заменять старое. Впрочем, идея опасна не потому что она ошибочна, а потому что нужны долговременные опыты, чтобы узнать, могут ли новые идеи приспособиться к потребностям обществ, которые их принимают. К несчастью, степень их полезности может стать ясной для толпы только посредством опыта.

История нам часто показывает, во что обходились пробы недоступных для известной эпохи идей, но не в истории человек черпает свои уроки. Карл Великий тщетно пытался восстановить Римскую Империю. Идея универсализма не была тогда осуществима, и его дело погибло вместе с ним, как должны были позже погибнуть дела Кромвеля и Наполеона. Филипп II бесплодно истратил свою энергию и силу Испании, тогда еще господствовавшей, на борьбу с духом свободного исследования, который под именем протестантизма распространялся в Европе. Все его усилия против новой идеи успели только ввергнуть Испанию в состояние разорения и упадка, из которого она уже никогда не поднималась.

Та столь глубоко ложная идея, что количество составляет силу армий, покрыла Европу своего рода вооруженной национальной оборонной и ведет ее к неизбежному разорению. Социалистические идеи о труде, капитале, преобразовании частной собственности в государственную докончат те народы, которые избегнут гибели от постоянных армий и банкротства.

Национальный принцип, столь дорогой некогда государственным деятелям и составлявший единственное основание их политики, может быть еще приведен в числе тех руководящих идей, вредное влияние которых пришлось испытать цивилизованному миру. Его осуществление привело Европу к самым губительным войнам, поставило ее под оружие и постепенно приведет все современные государства к разорению и упадку. Единственный разумный мотив, который можно было привести для защиты этого принципа, был тот, что самые большие и самые населенные страны вместе с тем и наиболее защищенные от нападений. В тайне думали также, что они наиболее способны к завоеваниям. Но в настоящее время оказывается, что как раз самые маленькие и наименее населенные страны — Португалия, Греция, Швейцария, Бельгия, Швеция, мелкие Балканские княжества — менее всего могут бояться нападений.

Идея объединения разорила некогда столь счастливую Италию до того, что в настоящее время она находится накануне революции и банкротства.

Но не во власти людей остановить ход идей, когда они уже проникли в душу; тогда нужно, чтобы их эволюция завершилась. Защитниками их чаще всего являются те, которые намечены их первыми жертвами. По отношению к идеям мы только бараны, покорно идущие за вожатым, ведущим нас на бойню. Преклонимся пред силой идеи. Когда она уже достигла известного периода своего развития, то нет уже ни рассуждений, ни доказательств, которые могли бы ее победить. Чтобы народы могли освободиться из под ига какой-нибудь идеи, нужны века или насильственные революции, а иногда и то, и другое. Человечеству остается только считать химеры, которые оно себе вымышляло и жертвой которых последовательно становилось.

Среди различных идей, руководящих народами и составляющих маяки истории и полюсы цивилизации, религиозные идеи играли преобладающую и основную роль. Религиозные верования составляли всегда самый важный элемент в жизни народов и, следовательно, в их истории. Самыми значительными историческими событиями, имевшими наиболее колоссальное влияние, были рождение и смерть богов. Вместе с новой религиозной идеей рождается и новая цивилизация. Во все века в древние времена, как и в новые, основными вопросами для человека были всегда вопросы религиозные. Если бы человечество могло предоставить возможность всем своим богам умереть, то о таком событии можно было бы сказать, что оно по своим последствиям было бы самым важным из совершившихся когда-либо на поверхности нашей планеты со времени возникновения первых цивилизаций.

В действительности не следует забывать, что с самой зари исторических времен все политические и социальные учреждения основывались на религиозных верованиях и что на мировой сцене боги всегда играли первую роль. Помимо любви, которая также есть своего рода религия, но личная и временная, одни только

религиозные верования могут быстро действовать на характер. Завоевания арабов, крестовые походы, Испания времен инквизиции, Англия в пуританскую эпоху, Франция с Варфоломеевской ночью и религиозными войнами показывают, чем становится народ, фанатизированный своими верованиями. Последние производят своего рода постоянную гипнотизацию, до такой степени сильную, что весь душевный склад глубоко преобразовывается ею. Без сомнения, человек создал богов, но, создав их, он сам быстро был поработан ими. Они — не сыновья страха, но скорее — надежды, и вот почему их влияние будет вечным.

То, что боги дали человеку и что одни только они до сих пор в состоянии были дать, — это душевное состояние, приносящее счастье.

Следствие, если не цель всех цивилизаций, всех философий, всех религий заключается в том, чтобы произвести известные душевные состояния. Но из этих душевных состояний одни заключают в себе счастье, другие не заключают его. Счастье зависит очень мало от внешних обстоятельств, но очень много — от состояния нашей души.

Мученики на своих кострах вероятно чувствовали себя гораздо счастливее, чем их палачи. Сторож на железной дороге, который ест беззаботно свою натертую чесноком корку хлеба, может быть бесконечно счастливее миллионера, осаждаемого заботами. Развитие цивилизации создало у современного человека массу потребностей, не давая ему средств для их удовлетворения, и произвело таким образом всеобщее недовольство в душах. Цивилизация, несомненно, — мать прогресса, но она также мать социализма и анархии, этих грозных выражений отчаяния масс, которых уже не поддерживает никакая религия.

Изменяется народ, когда меняется его способ понимания, а следовательно, мышления и действия. *Найти средства для создания душевного состояния, делающего человека счастливым, — вот чего прежде всего должно искать общество под страхом лишиться своего существования.* Все до сих пор основанные общества находили поддержку в идеале, способном подчинить души, и они всегда исчезали, когда идеал переставал оказывать на них свое действие. Одна из крупных ошибок современного века — вера в то, что человеческая душа может находить счастье только во внешних вещах. Оно в нас самих, созданное нами самими, но почти никогда — вне нас самих. Уничтожив идеалы старых веков, мы теперь замечаем, что невозможно без них жить и что под страхом неминуемой гибели нужно разрешить загадку замены их новыми. Истинные благодетели человечества, заслуживающие, чтобы признательные народы воздвигали им колоссальные золотые статуи, — те сильные чародеи, творцы *идеалов*, которых человечество иногда производит, но производит так редко. Над потоком бессмысленных явлений, единственных реальностей, которые человек может познать, над холодным и мертвым механизмом мира они вызвали появление сильных и примиряющих химер, закрывающих человеку темные стороны его судьбы и создающих для него очаровательные жилища мечты и надежды.

Ставя себя исключительно на политическую точку зрения, можно заметить, что и там влияние религиозных верований огромно. Непреодолимую их силу образует то, что они составляют единственный фактор, который может моментально дать какому-нибудь народу полную общность интересов, чувств и мыслей. Религиозный дух заменяет, таким образом, сразу постепенные наследственные приобретения, необходимые для образования национальной души. Народ, поглощенный каким-нибудь верованием, не меняет, конечно, душевного склада, но все его способности обращены к одной цели: к торжеству его религии, и в силу одного этого мощь его становится страшной. *Только в религиозные эпохи моментально преобразившиеся народы совершают те невероятные усилия, кладут основание тем империям, которые удивляют историю.*

Не качество веры надо иметь в виду, но степень власти, какую она имеет над душами. Пусть призываемый бог будет Молох или какое-нибудь другое, еще более варварское, божество, это неважно. *Слишком терпимые и слишком кроткие боги не дают никакой власти своим поклонникам.* Последователи сурового Магомета господствовали долго над большей частью мира и страшны еще теперь.

Итак, религиозный дух играл главную политическую роль в существовании народов. Конечно, боги не бессмертны, но религиозный дух вечен. Усыпленный на время, он пробуждается, лишь только создана новая религия. Он большевистской России победоносно устоять против вооруженной Европы. Мир лишний раз видел, что может религиозный дух; ибо тогда в самом деле основывалась новая религия, которая воодушевила своим дыханием народ. Божества, которые только что успели родиться, были слишком хрупки, чтобы быть в состоянии просуществовать долго; но пока они существовали, они пользовались неограниченной властью.

Власть преобразовывать души, которой обладают религии, впрочем, довольно эфемерна. Редко верования сохраняются в течение более или менее долгого времени в той степени интенсивности, какая способна совершенно изменить характер. Сновидение в конце концов начинает бледнеть, гипнотизированный понемногу просыпается, и старый фон характера появляется снова.

Политическая, художественная и литературная история народов — дочь их верований; но эти последние, совершенно изменяя их характер, в свою очередь глубоко изменяются им. Характер какого-нибудь народа и его верования — вот ключи к разгадке его судьбы. Первый в основных своих элементах неизменен, и именно потому что он не изменяется, история какого-нибудь народа сохраняет всегда известное единство. Верования могут изменяться, и именно потому что они изменяются, история записывает столько переворотов. Малейшая перемена в состоянии верований какого-нибудь народа имеет необходимым следствием целый ряд преобразований в условиях его существования.

Во Франции люди XVIII века казались совершенно отличными от людей XVII века. Но каково происхождение этого различия? В том факте, что в промежуток этих двух веков мысль перешла от теологии к науке, противопоставила разум традиции и добытые истины — откровенной истине. В силу этой простой перемены в понимании изменилась физиономия века, и если бы мы хотели проследить все вышедшие отсюда последствия, то увидели бы, что Великая Французская Революция, так же как и события, следовавшие за нею и продолжающиеся поныне, являются простым следствием эволюции религиозных доктрин. И если в настоящее время старое общество колеблется в своих устоях и видит все свои учреждения сильно пошатнувшимися, то это потому что оно все более и более теряет свои старые верования, которыми люди жили до сих пор. Когда человечество их совершенно потеряет, новая цивилизация, основанная на новой вере, необходимо займет ее место. История показывает нам, что народы не переживают долго исчезновения своих богов. Родившиеся с ними цивилизации умирают также с ними. Нет ничего более разрушительного, чем прах умерших богов.

Небольшой отбор выдающихся людей, которым обладает цивилизованный народ и которых достаточно было бы уничтожить в каждом поколении, чтобы немедленно вычеркнуть этот народ из списка цивилизованных наций, составляет истинное воплощение его сил. Им и им только одним мы обязаны прогрессом, сделанным в науках, искусствах, промышленности, одним словом, во всех отраслях цивилизации.

Хотя толпа пользуется этими успехами, однако, она не любит слишком явного превосходства над собой, и самые великие мыслители и изобретатели очень часто делались ее мучениками. Однако все поколения, все прошлое известной расы расцветают в этих прекрасных гениях, составляющих чудные цветы старого человеческого древа. Они — истинная слава нации, и каждый из членов общества,

до самого низшего, может гордиться ими. Они не появляются ни случайно, ни чудом, но представляют собой венец долгого прошлого, как бы концентрируя в себе величие своего времени и своей родины. Благоприятствовать их появлению и их развитию, значит благоприятствовать расцветанию прогресса, которым будет пользоваться все человечество.

Если бы мы слишком ослеплялись нашими мечтами о всеобщем равенстве, то нам пришлось бы сделаться первыми его жертвами. Равенство возможно только на низшей ступени. Чтобы равенство царствовало в мире, нужно было бы понижать мало-помалу все, что составляло ценность известного народа, до уровня того, что в ней есть самого низкого. Поднять интеллектуальный уровень последнего из крестьян до гения какого-нибудь Лавуазье невозможно. Легко уничтожить таких гениев, но их нельзя заменить.

Но если роль великих людей значительна в развитии цивилизации, то она, состоит в синтезе всех усилий какой-нибудь расы; их открытия всегда являются результатом длинного ряда предшествовавших открытий; они строят здание из камней, которые медленно обтесывали их предки. Нельзя написать под каждым изобретением имя одного человека; нет ни одного, относительно которого можно было бы сказать, что оно создано одной головой.

Роль великих государственных людей не более самостоятельна, чем роль великих изобретателей. Великие завоеватели могут уничтожить огнем и мечем города, людей и империи, как ребенок может сжечь музей, наполненный сокровищами искусства; но эта разрушительная сила не должна нас обманывать насчет характера своей роли. Влияние великих политических деятелей продолжается лишь до тех пор, пока они умеют направлять свои усилия в духе потребностей эпохи; настоящая причина их успехов предшествовала им самим.

В политике настоящие великие люди — те, которые предвидят зарождающиеся потребности, *события, подготовленные прошлым*, и указывают путь, которого следует держаться. Никто, может быть, не видел этого пути, но роковые условия эволюции должны были скоро толкнуть

туда народы, судьбами которых временно управляют эти могущественные гении. Они, так же как и великие изобретатели, синтезируют результаты долгого предшествовавшего труда.

Не нужно, однако, проводить слишком далеко эти аналогии. Изобретатели играют важную роль в развитии цивилизации, но никакой непосредственной роли — в политической истории народов. Великие люди, которым мы обязаны всеми важными открытиями, от плуга до телеграфа, составляющими общее достояние человечества, никогда не обладали качествами характера, необходимыми для основания религии или для завоевания империи, т.е. для заметного изменения внешнего вида истории.

Мыслитель слишком ясно видит сложность проблем, чтобы он мог иметь когда-либо очень глубокие убеждения, и слишком мало политических целей кажутся ему достойными его усилий, чтобы он мог преследовать хоть одну из них. Изобретатели могут изменить внешний вид цивилизации; фанатики с ограниченным умом, но с энергичным характером и с сильными страстями одни только могут основывать религии, империи и поднимать массы.

По призыву какого-то Петра Пустынника миллионы людей устремились на Восток; слава человека, страдавшего галлюцинациями, как Магомет, создала силу, необходимую для того, чтобы восторжествовать над старым греко-римским миром; какой-то неизвестный монах Лютер предал Европу огню и крови. Не среди масс может найти лишь слабый отклик голос какого-нибудь Галилея или Ньютона. Гениальные изобретатели ускоряют ход цивилизации. Фанатики и страдающие галлюцинациями творят историю.

Человеку на протяжении всей его истории приходилось бороться, чтобы создать идеал, поклоняться ему, а затем его уничтожить. Творцы подобных миражей из глубины своих могил они гнут еще душу масс под иго своих мыслей.

Не будем упускать важности их роли, но не станем, вместе с тем, забывать, что предпринятый ими труд они успели совершить только потому что воплотили в себе и выразили господствующий идеал своего народа и своего времени. Нельзя быть вождем народа, не воплощая его мечтаний. Моисей олицетворял собой в глазах евреев жажду освобождения, которая таилась годами в их душах рабов, истерзанных египетскими бичами. Будда сумел понять бесконечные бедствия своего времени и выразить в религии потребность любви и жалости, которые в эпохи всеобщего страдания начинали проявляться в мире. Магомет осуществил объединением религии политическое объединение народа, разделенного на тысячи враждебных племен. Артиллерист Наполеон воплотил идеал военной славы, блеска и революционной пропаганды, составлявших тогда основные черты народа, который он в продолжение пятнадцати лет водил чрез всю Европу, преследуя самые безумные приключения.

В конце концов идеи, а следовательно, и те люди, которые их воплощают и распространяют, руководят миром. Их торжество обеспечено с того момента, как они имеют в числе своих защитников страдающих галлюцинациями и убежденных. Для силы их действия мало имеет значения истинны ли они или ложны. История нам даже показывает, что наиболее нелепые идеи всегда сильнее фанатизировали людей и играли наиболее важную роль. Во имя самых обманчивых химер мир до сих пор подвергался сильнейшим потрясениям: цивилизации, казавшиеся вечными, рушились и основывались другие. Земля принадлежит нищим духом, но при том условии, чтобы они обладали слепой верой, двигающей горы.

Несомненно, фанатики распространяли только иллюзии, но этими иллюзиями, одновременно страшными, обольстительными и пустыми до сих пор жило человечество и, без сомнения, будет продолжать еще жить. Это только тени, однако, их следует уважать. Благодаря им наши отцы узнали надежду, и в своей героической и безумной погоне за этими тенями вывели нас из первобытного варварства и привели к тому пункту, где мы находимся в настоящее время. Из всех факторов развития цивилизаций иллюзии составляют едва ли не самый могущественный. Ими созидались и уничтожались самые громадные империи. Не в погоне за истиной, но скорее в погоне за ложью человечество истратило большую часть своих усилий. Преследуемых им химерических целей оно не в состоянии было достигнуть, но в их преследовании оно совершило весь прогресс, которого вовсе не искало.

Психические качества, требовавшие века для своего образования, могут быть быстро потеряны. Храбрость, инициатива, энергия, дух предприимчивости и различные качества характера, очень медленно приобретаемые, могут изгладиться довольно быстро, если им не представляется больше повода упражняться. Этим объясняется тот факт, что какому-нибудь народу всегда нужно очень долгое время, чтобы подняться на высокую ступень культуры, и иногда очень короткое время, чтобы упасть в пропасть вырождения. Когда исследуешь причины, постепенно приводившие к гибели все различные народности, о которых нам рассказывает история, то видишь, что основным фактором их падения была всегда перемена в их душевном складе, вытекавшая из понижения их характера.

Наука обновила наши идеи и отняла авторитет у наших религиозных и социальных понятий. Она показала человеку ничтожное место, какое он занимает во вселенной, и полное равнодушие природы к нему. Он увидел, что то, что считалось им свободой, было только незнанием причин, которым он покоряется, и что в системе необходимостей, которые им руководят, естественное положение всех

существ таково, чтобы быть в порабощении. Он заметил, что природа не знает того, что мы называем состраданием, и что весь завоеванный прогресс достигнут был только путем безжалостного отбора, ведущего беспрестанно к подавлению слабых в пользу сильных.

Люди потеряли всякую веру в абсолютную ценность принципов. Но ни одна цивилизация, ни одно учреждение или верование не сумели сохраниться, опираясь на принципы, рассматриваемые, как имеющие только относительную ценность. И если будущее, по-видимому, принадлежит социалистическим доктринам, то именно потому что только их апостолы говорят во имя истин, которые они провозглашают абсолютными. Массы всегда обратятся к тем, которые ему будут говорить об абсолютных истинах и вполне основательно отвернутся от других. Чтобы быть государственным человеком, нужно уметь проникать в душу толпы, понять ее мечты и оставить для нее философские абстракции. Вещи сами по себе не меняются. Одни только идеи, которые состоят из них, могут сильно изменяться. На эти-то идеи и нужно уметь действовать.

Когда мы себя ставим на общественную точку зрения, то можем сказать, что для данного века и для данного общества существуют условия существования, моральные законы, учреждения, имеющие абсолютную ценность, так как это общество без них не могло бы существовать. С тех пор, как стала оспариваться ценность их и распространяться в умах сомнение, общество осуждено на скорую смерть.

Современные государственные люди слишком много верят в значение учреждений и слишком мало — в значение идей. Наука показывает им, однако, что первые всегда дети вторых и не могут существовать, не опираясь на них. Идеи представляют собой невидимые пружины вещей. Когда они исчезли, то и скрытые подпорки учреждений и цивилизаций поломаны. *Для народа всегда был страшным часом тот, когда его старые идеи спускались в темные подземелья, где почивают мертвые боги.*

Только инициатива, энергия, воля и способность действовать спасает народы от гибели.

Став очень впечатлительными и крайне переменчивыми, массы, не удерживаемые уже никакими преградами, по-видимому, осуждены беспрестанно колебаться между самой бешеной анархией и самым грубым деспотизмом. Они очень легко поднимаются по одному слову, и их однодневные божества скоро становятся их жертвами. Кажется, что массы жадно добиваются свободы; в действительности же они ее всегда отталкивают и беспрестанно требуют от государства, чтобы оно ковало для них цепи. Они слепо повинуются самым темным сектантам и самым ограниченным деспотам. Краснобаи, желающие руководить массами и чаще всего следующие за ними, возбуждают нетерпение и нервозность, заставляя беспрестанно менять повелителей с настоящим духом независимости, отучая таким образом от повиновения какому бы то ни было повелителю. Государство, каков бы ни был его номинальный режим, является божеством, к которому обращаются все партии. От него требуют с каждым днем все более тяжелой регламентации и покровительства, облакающих малейшие акты жизни в самые тиранические формальности. Молодежь все более и более отказывается от карьер, требующих понимания, инициативы, энергии, личных усилий и воли; малейшая ответственность ее пугает. Ограниченная сфера функций, за которые получается жалованье от государства, ее вполне удовлетворяет.

Человек теряет всякую власть над собой. Он не умеет больше владеть собой; а тот, кто не умеет владеть собой, осужден скоро подпасть под власть других.

Это понижение нравственности становится очень серьезным, когда оно наблюдается в таких областях, как суд и нотариат, у которых некогда честность

была так же обычна, как храбрость у военных. Что касается нотариата, то нравственность его в настоящее время упала до очень низкого уровня.

Переменить все это - трудное дело. Нужно прежде всего переменить наше плачевное воспитание. Оно отнимает всякую инициативу и всякую энергию даже у тех, кто получил их по наследственности. Оно тушит всякий проблеск интеллектуальной самостоятельности, давая молодежи как единственный идеал ненавистные конкурсы, которые, не требуя ничего кроме усилий памяти, приводят к тому, что умственное развитие начинает считаться выше всего; но именно рабская привычка к подражанию делает ее совершенно неспособной к проявлению индивидуальности и к личным усилиям. "Я стараюсь влить железо в душу детей", сказал английский педагог министру Гизо, посетившему школы Великобритании. Где у латинских народов педагоги и программы, которые могли бы осуществить подобную мечту?

Это общему понижению характера, этой неспособности граждан управлять самими собой и их эгоистическому равнодушию обязана, главным образом, та трудность, какую испытывают большинство европейских народов, — жить под либеральными законами, одинаково далекими как от деспотизма, так и от анархии.

Что подобные законы мало симпатичны массам, это легко понять, ибо цезаризм обещает им если не свободу, о которой они очень мало заботятся, то, по крайней мере, очень большое равенство в рабстве. *Напротив, то, что республиканские учреждения могут быть очень охотно приняты просвещенными классами, не трудно будет понять, если оценить надлежащим образом силу влияний предков. Не благодаря ли этим учреждениям имели больше всего возможностей проявиться всякие превосходства, и в особенности — умственные? Можно даже сказать, что единственный действительный недостаток этих учреждений для мечтателей об абсолютном равенстве заключается в том, что они способствуют образованию могущественных умственных аристократий.*

Не в совещаниях государей, а в душе толпы подготавливаются судьбы наций. Толпа посылает в правительственные собрания своих представителей, лишенных всякой инициативы и, чаще всего, служащих только простым орудием тех комитетов, которые их избрали.

В настоящее время притязания толпы становятся все более и более определенными. Ограничение рабочих часов, экспроприация рудников, железных дорог, фабрик, земли, равномерное распространение всех продуктов и т.д., и т.д. — вот в чем заключаются требования толпы.

История указывает нам, что как только нравственные силы, на которых покоилась цивилизация, теряют власть, дело окончательного разрушения завершается бессознательной и грубой толпой, справедливо называемой варварами. Цивилизации создавались и оберегались маленькой горстью интеллектуальной аристократии, никогда — толпой. Сила толпы направлена лишь к разрушению. Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства. Цивилизация предполагает существование определенных правил, дисциплину, переход от инстинктивного к рациональному, предвидений будущего, более высокую степень культуры, а это все условия, которых толпа, предоставленная сама себе, никогда не могла осуществить. Благодаря своей исключительно разрушающей силе, толпа действует, как микробы, ускоряющие разложение ослабленного организма или трупа. Если здание какой-нибудь цивилизации подточено, то всегда толпа вызывает его падение. Тогда-то обнаруживается ее главная роль, и на время философия численности является, по-видимому, единственной философией истории.

Без сомнения, есть преступная толпа, но есть также толпа добродетельная, героическая и много других. Преступления толпы составляют лишь частный случай ее психологии; нельзя узнать духовную организацию толпы, изучая только ее

преступления, так же как нельзя узнать духовную организацию какой-нибудь личности, изучая только ее пороки.

Все властители мира, все основатели религий или государств, апостолы всех верований, выдающиеся государственные люди и, в сфере более скромной, простые вожди маленьких человеческих общин всегда были бессознательными психологами, инстинктивно понимающими душу толпы и часто — очень верно.

Именно благодаря этому пониманию, они и становились властелинами толпы. Наполеон прекрасно постиг психологию масс той страны, в которой царствовал, но зачастую выказывал полное непонимание психологии толпы других народов и рас. Только потому что он не понимал этой психологии, он и мог вести войну с Испанией и Россией, нанеся его могуществу удар, от которого оно погибло.

Знание психологии толпы составляет в настоящее время последнее средство, имеющееся в руках государственного человека, — не для того, чтобы управлять массами, так как это уже невозможно, а для того, чтобы не давать им слишком много воли над собой.

Только вникая глубже в психологию масс, можно понять, до какой степени сильна над ними власть внушенных идей. Толпами нельзя руководить посредством правил, основанных на чисто теоретической справедливости, а надо отыскивать то, что может произвести на нее впечатление и увлечь ее. Если, например, какой-нибудь законодатель желает учредить новый налог, то должен ли он в таком случае выбрать такой налог, который будет наиболее справедливым? Никким образом! Самый несправедливый налог может в практическом отношении оказаться самым лучшим для масс. Если такой налог не бросается в глаза и кажется наименее тяжелым, он всего легче будет принят массами. Поэтому косвенный налог, как бы он ни был велик, не вызовет протеста толпы, так как он не стесняет ее привычек и не производит на нее впечатления, ибо взимается ежедневно и уплачивается по мелочам при покупке предметов потребления. Но попробуйте заменить этот налог пропорциональным налогом на заработок или другие доходы и потребуйте уплаты этого налога сразу, — вы вызовете единодушные протесты, хотя бы теоретически этот налог и был бы в десять раз легче первого. Вместо незаметных копеек, уплачиваемых ежедневно, тут получается сравнительно высокая сумма, и в тот день, когда ее придется вносить,

она покажется чрезмерной и потому уже произведет внушительное впечатление. Если бы откладывать постепенно по грошу, то, конечно, она не показалась бы такой большой, но подобный экономический прием указывал бы на предусмотрительность, к которой вообще толпа неспособна. Указанный пример весьма прост, и справедливость его бросается в глаза. Такой психолог, как Наполеон, конечно, понимал это, но большинство законодателей, не знающих

души толпы, не заметят этой особенности. Опыт еще недостаточно убедил их в том, что нельзя руководить массами посредством предписаний только одного разума.

Психология масс может иметь применение и во многих других случаях. Она бросает свет на множество исторических и экономических фактов, которые без нее были бы совершенно необъяснимы. При изучении социальных процессов не годится описательный метод натуралистов; ведь среди явлений, которые приходится наблюдать натуралистам, мы не находим нравственных сил, а между тем, эти силы и составляют истинные пружины истории.

Распознать двигателей, управляющих действиями людей, не менее важно, чем распознать какой-нибудь минерал или цветок.

Под словом "толпа" подразумевается в обыкновенном смысле собрание индивидов, какова бы ни была их национальность, профессия или пол и каковы бы ни были случайности, вызвавшие это собрание. Но с психологической точки зрения

слово это получает уже совершенно другое значение. При известных условиях — и притом только при этих условиях — собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания. Сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты. Собрание в таких случаях становится тем, что я назвал бы, за неимением лучшего выражения, организованной толпой или толпой одухотворенной, составляющей единое существо и подчиняющейся закону духовного единства толпы.

Чтобы толпа приобрела характер организованной толпы, нужно влияние некоторых возбудителей, природу которых мы и постараемся определить.

Исчезновение сознательной личности и ориентирование чувств и мыслей в известном направлении — главные черты, характеризующие толпу, вступившую на путь организации, — не требуют неперемennого и одновременного присутствия нескольких индивидов в одном и том же месте. Тысячи индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы. Стоит какой-нибудь случайности свести этих индивидов вместе, чтобы все их действия и поступки немедленно приобрели характер действий и поступков толпы.

Целый народ под действием известных влияний иногда становится толпой, не представляя при этом собрания в собственном смысле этого слова. Одухотворенная толпа после своего образования приобретает общие черты — временные, но совершенно определенные. К этим общим чертам присоединяются частные, меняющиеся сообразно элементам, образующим толпу и могущим в свою очередь изменить ее духовный состав. Одухотворенная толпа может быть подвергнута известной классификации. Мы увидим далее, что разнокалиберная толпа, т.е. такая, которая состоит из разнородных элементов, имеет много общих черт с однородной толпой, т.е. такой, которая состоит из более или менее родственных элементов (секты, касты и классы).

Рядом с этими общими чертами, однако, резко выступают особенности, которые дают возможность различать оба рода толпы. Прежде чем говорить о различных категориях толпы, мы должны изучить ее общие черты и будем поступать, как натуралист, начинающий с описания общих признаков, существующих у всех индивидов одной семьи, и затем уже переходящий к частностям, позволяющим различать виды и роды этой семьи.

В каждой духовной организации заключаются такие задатки характера, которые тотчас же заявляют о своем существовании, как только в окружающей среде произойдет внезапная перемена. Так, например, среди наиболее суровых членов Конвента можно было встретить совершенно безобидных буржуа, которые при обыкновенных условиях, конечно, были бы простыми мирными гражданами, занимая должности нотариусов или судей. Когда гроза миновала, они вернулись к своему нормальному состоянию мирных буржуа, и Наполеон именно среди них Самый поразительный факт, наблюдающийся в одухотворенной толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности. Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу. Одухотворенная толпа представляет собой временный организм, образовавшийся из разнородных

элементов, на одно мгновение соединившихся вместе.

Нетрудно заметить, насколько изолированный индивид отличается от индивида в толпе, но гораздо труднее определить причины этой разницы.

Для того, чтобы хоть несколько разъяснить себе эти причины, мы должны вспомнить одно из положений современной психологии, а именно то, что явления бессознательного играют выдающуюся роль не только в органической жизни, но и в отправлениях ума. Сознательная жизнь ума составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью. Самый тонкий аналитик, самый проникательный наблюдатель в состоянии подметить лишь очень небольшое число бессознательных двигателей, которым он повинуется.

Самые несходные между собой по своему уму люди могут обладать одинаковыми страстями, инстинктами и чувствами; и во всем, что касается чувства, религии, политики, морали, привязанностей и антипатии и т.п., люди самые знаменитые только очень редко возвышаются над уровнем самых обыкновенных индивидов. Между великим математиком и его сапожником может существовать целая пропасть с точки зрения интеллектуальной жизни, но с точки зрения характера между ними часто не замечается никакой разницы или же очень небольшая.

Эти общие качества характера, управляемые бессознательным и существующие почти одинаковой степени у большинства нормальных индивидов расы, соединяются вместе в толпе. В коллективной душе интеллектуальные способности индивидов и, следовательно, их индивидуальность исчезают; разнородное утопает в однородном, и берут верх бессознательные качества.

Такое именно соединение заурядных качеств в толпе и объясняет нам, почему толпа никогда не может выполнить действия, требующие возвышенного ума. Решения, принятые собранием даже знаменитых людей в разных областях специальностей, мало все-таки отличаются от решений, принятых собранием глупцов, так как и в том и в другом случае соединяются не какие-нибудь выдающиеся качества, а только заурядные, встречающиеся у всех. В толпе может происходить накопление только глупости, а не ума. "Весь мир", как это часто принято говорить, никак не может быть умнее Вольтера, а наоборот, Вольтер умнее, нежели "весь мир", если под этим словом надо понимать толпу.

Первая из них заключается в том, что индивид в толпе приобретает, благодаря только численности, сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, потому что толпа анонимна и не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе.

Вторая причина — заразительность или зараза — также способствует образованию в толпе специальных свойств и определяет их направление. Зараза представляет собой такое явление, которое легко указать, но не объяснить; ее надо причислить к разряду гипнотических явлений. В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы.

Восприимчивость к внушению увеличивается в толпе; зараза, о которой мы только что говорили, служит лишь следствием этой восприимчивости. Чтобы понять это явление, следует припомнить некоторые новейшие открытия физиологии. Мы знаем теперь, что различными способами можно привести индивида в такое состояние, когда у него исчезает сознательная личность, и он подчиняется всем внушениям лица, заставившего его прийти в это состояние, совершая по его приказанию поступки, часто совершенно противоречащие его личному характеру и привычкам.

Наблюдения же указывают, что индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин — неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта. Такой субъект вследствие парализованности своей сознательной мозговой жизни становится рабом бессознательной деятельности своего спинного мозга, которой гипнотизер управляет по своему произволу. Сознательная личность у загипнотизированного совершенно исчезает, так же как воля и рассудок, и все чувства и мысли направляются волей гипнотизера.

Таково же приблизительно положение индивида, составляющего частицу одухотворенной толпы. Под влиянием внушения такой субъект будет совершать известные действия с неудержимой стремительностью; в толпе же эта неудержимая стремительность проявляется с еще большей силой, так как влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается путем взаимности. Люди, обладающие достаточно сильной индивидуальностью, чтобы противиться внушению, в толпе слишком малочисленны, и потому не в состоянии бороться с течением. Самое большее, что они могут сделать, — это отвлечь толпу посредством какого-нибудь нового внушения. Так, например, удачное слово, какой-нибудь образ, вызванный к стати в воображении толпы, отвлекали ее иной раз от самых кровавых поступков.

Итак, исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действия внушенные идеи — вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует.

Становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе — это варвар, т.е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку, сходство с которым еще более усиливается тем, что человек в толпе чрезвычайно легко подчиняется словам и представлениям, не оказавшим бы на него в изолированном положении никакого влияния, и совершает поступки, явно противоречащие и его интересам, и его привычкам. Индивид в толпе — это песчинка среди массы других песчинок, вздымаемых и уносимых ветром. Благодаря именно этому свойству толпы, нам приходится иной раз наблюдать, что присяжные выносят приговор, который каждый из них в отдельности никогда бы не произнес; мы видим, что парламентские собрания соглашаются на такие мероприятия и законы, которые осудил бы каждый из членов этого собрания в отдельности. Члены Конвента, взятые отдельно, были просвещенными буржуа, имевшими мирные привычки. Но, соединившись в толпу, они уже без всякого колебания принимали самые свирепые предложения и отсылали на гильотину людей, совершенно невинных; в довершение они отказались от своей неприкосновенности, вопреки своим собственным интересам, и сами себя наказывали.

Но не одними только поступками индивид в толпе отличается от самого же себя в изолированном положении. Прежде чем он потеряет всякую независимость, в его идеях и чувствах должно произойти изменение, и притом настолько глубокое, что оно может превратить скупого в расточительного, скептика — в верующего, честного человека — в преступника, труса — в героя. Отречение от всех своих привилегий, вотированное аристократией под влиянием энтузиазма в знаменитую ночь 4 августа 1789 года, никогда не было бы принято ни одним из ее членов в отдельности.

В числе специальных свойств, характеризующих толпу, мы встречаем, например,

такие: импульсивность, раздражительность, неспособность обдумывать, отсутствие рассуждения и критики, преувеличенную чувствительность и т.п.

Изолированный индивид обладает способностью подавлять свои рефлексы, тогда как толпа этой способности не имеет. Различные импульсы, которым повинуются толпа, могут быть, смотря по характеру возбуждений, великодушными или свирепыми, героическими или трусливыми, но они всегда настолько сильны, что никакой личный интерес, даже чувство самосохранения, не в состоянии их подавить.

Так как возбудители, действующие на толпу, весьма разнообразны и толпа всегда им повинуются, то отсюда вытекает ее чрезвычайная изменчивость. Вот почему мы видим, что толпа может внезапно перейти от самой кровожадной жестокости к великодушию и выказать даже при случае самый абсолютный героизм. Толпа легко становится палачем, но так же легко она идет и на мученичество. Из ее недр лились те потоки крови, которые нужны были для того, чтобы восторжествовала какая-нибудь вера. Незачем обращаться к героическому веку для того, чтобы увидеть, на что способна толпа именно с этой точки зрения. Толпа никогда не дорожит своей жизнью во время возмущения, и еще очень недавно один генерал, внезапно сделавшийся популярным, легко мог бы найти сотни тысяч человек, готовых умереть за его дело, если бы он только того потребовал.

В толпе нет предумышленности; она может последовательно пройти всю школу противоречивых чувствований, но всегда будет находиться под влиянием возбуждений минуты. Говоря о некоторых видах революционной толпы, мы укажем несколько примеров изменчивости ее чувств. Из-за этой изменчивости толпой очень трудно руководить, особенно если часть общественной власти находится в ее руках.

Толпа не только импульсивна и изменчива; как и дикарь, она не допускает, чтобы что-нибудь становилось между ее желанием и реализацией этого желания. Толпа тем менее способна допустить это, что **численность создает в ней чувство непреодолимого могущества**. Для индивида в толпе понятия о невозможности не существует. Изолированный индивид сознает, что он не может один поджечь дворец, разграбить магазин, а если даже он почувствует влечение сделать это, то легко устоит против него. В толпе же у него является сознание могущества, доставляемого ему численностью, и достаточно лишь внушить ему идеи убийства и грабежа, чтобы он тотчас же поддался искушению. Всякое неожиданное препятствие будет уничтожено толпой со свойственной ей стремительностью, и если бы человеческий организм допускал неослабевающее состояние ярости, то можно было бы сказать, что нормальное состояние толпы, наткнувшейся на препятствие, — это ярость.

Как бы ни была нейтральна толпа, она все-таки находится чаще всего в состоянии выжидательного внимания, которое облегчает всякое внушение. Первое формулированное внушение тотчас же передается вследствие заразительности всем умам, и немедленно возникает соответствующее настроение. Как у всех существ, находящихся под влиянием внушения, идея, овладевшая умом, стремится выразиться в действии. Толпа так же легко совершит поджог дворца, как и какой-нибудь высший акт самоотвержения; все будет зависеть от природы возбудителя, а не от тех отношений, которые у изолированного индивида существуют между внушенным актом и суммой рассудочности, противодействующей его выполнению.

Блуждая всегда на границе бессознательного, легко подчиняясь всяким внушениям и обладая буйными чувствами, свойственными тем существам, которые не могут подчиняться влиянию рассудка, толпа, лишенная всяких критических способностей, должна быть чрезвычайно легковерна. Невероятное для ее не существует, и это надо помнить, так как этим объясняется та необычная легкость, с которой создаются и распространяются легенды и самые неправдоподобные рассказы.

Люди, находившиеся в Париже во время осады, видели множество примеров такого легковерия толпы. Зажженная свеча в верхнем этаже принималась тотчас же за сигнал неприятелю, хотя довольно было бы минуты размышления, чтобы убедиться в нелепости этого предположения, так как, конечно, неприятель не мог различить пламя свечи на расстоянии нескольких миль. Образование легенд, легко распространяющихся в толпе, обуславливается не одним только ее легковерием, а также и теми искажениями, которые претерпевают события в воображении людей, собравшихся толпой. В глазах толпы самое простое событие быстро принимает совсем другие размеры. Толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ в свою очередь вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым. Мы легко поймем это состояние, если вспомним, какое странное сцепление мыслей порождает у нас иногда воспоминание о каком-нибудь факте. Рассудок указывает нам на те несообразности, которые заключаются в этих образах, но толпа их не видит и примешивает к действительному событию то, что создано ее искажающим воображением. Толпа совсем не отделяет субъективное от объективного; она считает реальными образы, вызванные в ее уме и зачастую имеющие лишь очень отдаленную связь с наблюдаемым ею фактом.

Казалось бы, что искажения, которые претерпевает какое-нибудь событие в глазах толпы, должны иметь весьма разнообразный характер, потому что индивиды, составляющие толпу, обладают весьма различными темпераментами. Но ничуть не бывало. Под влиянием заразы эти искажения имеют всегда одинаковый характер для всех индивидов. Таков всегда механизм всех коллективных галлюцинаций, о которых часто говорится в истории и достоверность которых подтверждается тысячами человек.

Невежда и ученый, раз уж они участвуют в толпе, одинаково лишаются способности к наблюдению. Наиболее типичный случай такой коллективной галлюцинации — причем толпа состояла из индивидов всякого рода, как самых невежественных, так и самых образованных, — рассказан лейтенантом Жюльеном Феликсом в его книге о морских течениях. Фрегат крейсировал в море, разыскивая корвет, с которым он был разъединен сильной бурей. Дело было днем и солнце светило ярко. Вдруг часовой увидал покинутое судно. Экипаж направил свои взоры на указанный пункт, и все, офицеры и матросы, ясно заметили плот, нагруженный людьми, прикрепленный буксиром к лодкам, на которых виднелись сигналы бедствия. Все это было, однако, не чем иным, как коллективной галлюцинацией. Адмирал Дефоссе тотчас же отправил лодки на помощь погибающим. Приближаясь к месту катастрофы, офицеры и матросы ясно видели кучи людей. Волнующихся, протягивающих руки, и слышали глухой и смешанный шум большого количества голосов. Когда же наконец лодки подошли к этому месту, то оказалось, что там ничего не было, кроме нескольких ветвей с листьями, унесенных волнами с соседнего берега. Такие явные доказательства, конечно, заставили галлюцинацию исчезнуть.

На этом примере мы можем ясно проследить механизм образования коллективной галлюцинации. С одной стороны мы имеем толпу в состоянии выжидательного внимания, с другой — внушение, сделанное часовым, увидевшим покинутое судно в море; это внушение уже путем заразы распространилось на всех присутствовавших, как офицеров, так и матросов.

Подобного рода факты достаточно указывают, какое значение имеют показания толпы. Согласно логике, единогласное показание многочисленных свидетелей следовало бы, по-видимому, причислить к разряду самых прочных доказательств какого-нибудь факта. Но то, что нам известно из психологии толпы, показывает, что именно в этом отношении трактаты логики следовало бы совершенно переделать. Самые сомнительные события — это именно те, которые наблюдались наибольшим

числом людей. Говорить, что какой-нибудь факт одновременно подтверждается тысячами свидетелей, — это значит сказать, в большинстве случаев, что действительный факт совершенно не похож на существующие о нем рассказы.

Каковы бы ни были чувства толпы, хорошие или дурные, характерными их чертами являются односторонность и преувеличение. В этом отношении, как и во многих других, индивид в толпе приближается к примитивным существам. Не замечая оттенков, он воспринимает все впечатления гуртом и не знает никаких переходов. В толпе преувеличение чувства обуславливается еще и тем, что это самое чувство, распространяясь очень быстро посредством внушения и заразы, вызывает всеобщее одобрение, которое и содействует в значительной степени увеличению его силы.

Односторонность и преувеличение чувств толпы ведут к тому, что она не ведает ни сомнений, ни колебаний. Высказанное подозрение тотчас превращается в неоспоримую очевидность. Чувство антипатии и неодобрения, едва зарождающееся в отдельном индивиде, в толпе тотчас же превращается у него в самую свирепую ненависть.

Сила чувств толпы еще более увеличивается отсутствием ответственности, особенно в толпе разнокалиберной. Уверенность в безнаказанности, тем более сильная, чем многочисленнее толпа, и сознание значительного, хотя и временного, могущества, доставляемого численностью, дает возможность скопищам людей проявлять такие чувства и совершать такие действия, которые невозможны для отдельного человека. В толпе дурак, невежда и завистник освобождаются от сознания своего ничтожества и бессилия, заменяющегося у них сознанием грубой силы, преходящей, но безмерной. К несчастью, преувеличение чаще обнаруживается в дурных чувствах толпы, атавистическом остатке инстинктов первобытного человека, которые подавляются у изолированного и ответственного индивида боязнью наказания. Это и является причиной легкости, с которой толпа совершает самые худшие насилия.

Из этого не следует, однако, что толпа неспособна к героизму, самоотвержению и очень высоким добродетелям. Она даже более способна к ним, нежели изолированный индивид.

Обладая преувеличенными чувствами, толпа способна подчиняться влиянию только таких же преувеличенных чувств. Оратор, желающий увлечь ее, должен злоупотреблять сильными выражениями. Преувеличивать, утверждать, повторять и никогда не пробовать доказывать что-нибудь рассуждениями — вот способы аргументации, хорошо известные всем ораторам публичных собраний. Толпа желает видеть и в своих героях такое же преувеличение чувств; их кажущиеся качества и добродетели всегда должны быть увеличены в размерах. В театре толпа требует от героя пьесы таких качеств, мужества, нравственности и добродетели, какие никогда не практикуются в жизни. Совершенно верно указывалось при этом, что в театре существуют специальные оптические условия, но, тем не менее, правила театральной оптики чаще всего не имеют ничего общего со здравым смыслом и логикой. Искусство говорить толпе, без сомнения, принадлежит к искусствам низшего разряда, но, тем не менее, требует специальных способностей.

Преувеличение выражается только в чувствах, а не в умственных способностях толпы. Я уже указывал раньше, что одного факта участия в толпе достаточно для немедленного и значительного понижения интеллектуального уровня. Ученый юрист Тард также констатировал это в своих исследованиях преступлений толпы. Только в области чувств толпа может подняться очень высоко или спуститься очень низко.

Толпе знакомы только простые и крайние чувства; всякое мнение, идею или верование, внушенные ей, толпа принимает или отвергает целиком и относится к ним или как к абсолютным истинам, или же как к столь же абсолютным

заблуждениям. Так всегда бывает с верованиями, которые установились путем внушения, а не путем рассуждения. Каждому известно, насколько сильна религиозная нетерпимость и какую деспотическую власть имеют религиозные верования над душами.

Не испытывая никаких сомнений относительно того, что есть истина и что — заблуждение, толпа выражает такую же авторитетность в своих суждениях, как и нетерпимость. Индивид может перенести противоречие и оспаривание, толпа же никогда их не переносит. В публичных собраниях малейшее прекословие со стороны какого-нибудь оратора немедленно вызывает яростные крики и бурные ругательства в толпе, за которыми следуют действия и изгнание оратора, если он будет настаивать на своем. Если бы не мешающее присутствие агентов власти, то жизнь спорщика весьма часто подвергалась бы опасности.

Нетерпимость и авторитетность суждений вызывают потребность немедленно и насильственно подчинить своей вере всех диссидентов. Якобинцы всех времен, начиная с инквизиции, никогда не могли возвыситься до иного понятия о свободе.

Авторитарность и нетерпимость представляют собой такие определенные чувства, которые легко понимаются и усваиваются толпой и так же легко применяются ею на практике, как только они будут ей навязаны. Массы уважают только силу, и доброта их мало трогает, так как они смотрят на нее как на одну из форм слабости. Симпатии толпы всегда были на стороне тиранов, подчиняющих ее себе, а не на стороне добрых властителей, и самые высокие статуи толпа всегда воздвигает первым, а не последним.

Если толпа охотно топчет ногами повергнутого деспота, то это происходит лишь оттого, что, потеряв свою силу, деспот этот уже попадает в категорию слабых, которых презирают, потому что их не боятся. Тип героя, дорогого сердцу толпы, всегда будет напоминать Цезаря, шлем которого прельщает толпу, власть внушает ей уважение, а меч заставляет бояться.

Всегда готовая восстать против слабой власти, толпа раболепно преклоняется перед сильной властью. Если сила власти имеет перемежающийся характер, то толпа, повинующаяся всегда своим крайним чувствам, переходит попеременно от анархии к рабству и от рабства к анархии.

Предоставленная самой себе, толпа скоро утомляется своими собственными беспорядками и инстинктивно стремится к рабству. Самые гордые и самые непримиримые из якобинцев именно-то и приветствовали наиболее энергическим образом Бонапарта, когда он уничтожил все права и дал тяжело почувствовать Франции свою железную руку.

Инстинкты разрушительной свирепости, составляющие остаток первобытных времен, дремлют в глубине души каждого из нас. Поддаваться этим инстинктам опасно для изолированного индивида, но когда он находится в неотчетливой толпе, где, следовательно, обеспечена ему безнаказанность, он может свободно следовать велению своих инстинктов. Не будучи всостоянии в обыкновенное время удовлетворять эти свирепые инстинкты на наших ближних, мы ограничиваемся тем, что удовлетворяем их на животных. Общераспространенная страсть к охоте и свирепые действия толпы вытекают из одного и того же источника. Толпа, медленно избивающая какую-нибудь беззащитную жертву, обнаруживает, конечно, очень подлую свирепость, но для философа в этой свирепости существует много общего со свирепостью охотников, собирающихся дюжинами для одного только удовольствия присутствовать при том, как их собаки пре-следуют и разрывают несчастного оленя.

Но если толпа способна на убийство, поджоги и всякого рода преступления, то она способна также и на очень возвышенные проявления преданности, самопожертвования и бескорыстия, более возвышенные чем даже те, на которые

способен отдельный индивид. Действуя на индивида в толпе и вызывая у него чувство славы, чести, религии и патриотизма, легко можно заставить его пожертвовать даже своей жизнью. История богата примерами, подобными крестовым походам и волонтерам 93-го года. Только толпа способна к проявлению величайшего бескорыстия и величайшей преданности. Как много раз толпа героически умирала за какое-нибудь верование, слова или идеи, которые она сама едва понимала! Толпа, устраивающая стачки, делает это не столько для того, чтобы добиться увеличения своего скудного заработка, которым она удовлетворяется, сколько для того, чтобы повиноваться приказанию. Личный интерес очень редко бывает могущественным двигателем в толпе, тогда как у отдельного индивида он занимает первое место. Никак не интерес, конечно, руководил толпой во многих войнах, всего чаще недоступных ее понятиям, но она шла на смерть и так же легко принимала ее, как легко дают себя убивать ласточки, загипнотизированные зеркалом охотника.

Случается очень часто, что даже совершенные негодяи, находясь в толпе, проникаются временно самыми строгими принципами морали. Тэн говорит, что сентябрьские убийцы приносили в комитеты все деньги и драгоценности, которые они находили на своих жертвах, хотя им легко было утаить все это. Завывающая многочисленная толпа оборванцев, завладевшая Тюильрийским дворцом во время революции 1848 года, не захватила ничего из великолепных вещей, ослепивших ее, хотя каждая из этих вещей могла обеспечить ей пропитание на несколько дней.

Скажу несколько слов об идеях, доступных толпе, и о том, в какой форме они усваиваются толпой. Эти идеи можно разделить на два разряда. К первому мы причисляем временные и скоропреходящие идеи, зародившиеся под влиянием минуты; преклонение перед каким-нибудь индивидом или доктриной, например; ко второму — все основные идеи, которым среда, наследственность, общественное мнение дают очень большую устойчивость, таковы прежние религиозные верования и нынешние социальные идеи.

Каковы бы ни были идеи, внушенные толпе, они могут сделаться преобладающими не иначе, как при условии быть облеченными в самую категорическую и простую форму. В таком случае эти идеи представляются в виде образов, и только в такой форме они доступны толпе. Такие идеи-образы не соединяются между собой никакой логической связью аналогии или последовательности и могут заменять одна другую совершенно так, как в волшебном фонаре одно стекло заменяется другим рукой фокусника, вынимающего их из ящика, где они были сложены вместе. Вот почему в толпе удерживаются рядом идеи самого противоречивого характера. Сообразно случайностям минуты, толпа подпадает под влияние одной из разнообразных идей, имеющих у неё в запасе, и поэтому может совершать самые противоположные действия; отсутствие же критической способности мешает ей заметить эти противоречия.

Идеи, доступные толпе лишь в самой простой форме, для того, чтобы сделаться популярными, часто должны претерпеть глубокие изменения. В области философских и научных, более возвышенных, идей в особенности можно заметить глубину изменений, которые необходимы для того, чтобы эти идеи могли постепенно спуститься до уровня понятий толпы. Изменения эти всегда имеют упрощающий и понижающий характер. Уже одного факта проникновения идеи в толпу и выражения ее в действиях бывает достаточно, чтобы лишить ее всего того, что способствовало ее возвышенности и величю, как бы она ни была истинна и велика при своем начале.

Но даже когда идея претерпела изменения, сделавшие ее доступной толпе, она все-таки действует лишь в том случае, если она проникла в область бессознательного и стала чувством, а на это требуется всегда довольно

продолжительное время.

Не следует думать, что идея производит впечатление, даже на культурные умы, лишь в том случае, если доказана ее справедливость. Легко убедиться в этом, наблюдая, как мало действуют даже самые непреложные доказательства на большинство людей. Очевидность, если она очень бросается в глаза, может быть замечена каким-нибудь образованным индивидом в толпе, но новообращенный, находясь под властью бессознательного, все-таки очень быстро вернется к своим первоначальным воззрениям. Если вы увидите с ним через несколько дней, то он вам снова представит все свои прежние аргументы и в тех же самых выражениях, так как находится под влиянием прежних идей, сделавшихся чувствами; эти-то последние служат глубокими двигателями наших речей и поступков. В толпе происходит то же самое.

Когда посредством известных процессов идея проникает, наконец, в душу толпы, она получает непреодолимую власть над нею и порождает ряд последствий. Философские идеи, приведшие к французской революции, потребовали целое столетие для того, чтобы укрепиться в душе толпы. Известно уже, какую непреодолимую силу они приобрели после того, как укрепились. В течение целых двадцати лет народы устремлялись друг на друга, и Европа пережила такие гекатомбы, которые могли бы испугать Чингисхана и Тамерлана. Никогда еще миру не приходилось наблюдать в такой степени результаты владычества какой-нибудь идеи.

Ассоциация разнородных вещей, имеющих лишь кажущееся отношение друг к другу, и немедленное обобщение частных случаев — вот характеристичные черты рассуждений толпы. Подобного рода аргументация всегда выставляется теми, кто умеет управлять толпой, и это единственная, которая может влиять на нее. Сцепление логических рассуждений совершенно непонятно толпе, вот почему нам и дозволяется говорить, что толпа не рассуждает или рассуждает ложно и не подчиняется влиянию рассуждений. Не раз приходится удивляться, как плохи в чтении речи, имевшие огромное влияние на толпу, слушавшую их.

Не следует, однако, забывать, что эти речи предназначались именно для того, чтобы увлечь толпу, а не для того, чтобы их читали философы. Оратор, находящийся в тесном общении с толпой, умеет вызвать образы, увлекающие ее. Если он успеет в этом, то цель его будет достигнута, и двадцать томов речей, всегда придуманных потом, зачастую не стоят нескольких удачных фраз, произнесенных в должную минуту и подействовавших на умы тех, кого нужно было убедить.

Суждения толпы всегда навязаны ей и никогда не бывают результатом всестороннего обсуждения. Но как много есть людей, которые не возвышаются в данном случае над уровнем толпы! Легкость, с которой распространяются иногда известные мнения, именно и зависит от того, что большинство людей не в состоянии составить себе частное мнение, основывающееся на собственных рассуждениях.

Толпа до некоторой степени напоминает спящего, рассудок которого временно бездействует и в уме которого возникают образы чрезвычайно живые, но эти образы скоро рассеялись бы, если бы их можно было подчинить размышлению. Для толпы, неспособной ни к размышлению, ни к рассуждению, не существует поэтому ничего невероятного, а ведь невероятное-то всегда и поражает всего сильнее. Вот почему толпа поражается больше всего чудесной и легендарной стороной событий. Подвергая анализу какую-нибудь цивилизацию, мы видим, что в действительности настоящей ее опорой является чудесное и легендарное.

В истории кажущееся всегда играло более важную роль, нежели действительное, и нереальное всегда преобладает в ней над реальным.

Толпа, способная мыслить только образами, восприимчива только к образам. Только образы могут увлечь ее или породить в ней ужас и сделаться двигателями ее

поступков.

Могущество победителей и сила государств именно-то и основываются на народном воображении. Толпу увлекают за собой, действуя главным образом на ее воображение. Все великие исторические события — буддизм, христианство, исламызм, реформа и революция и угрожающее в наши дни нашествие социализма — являются непосредственным или отдаленным последствием сильных впечатлений, произведенных на воображение толпы. Таким образом, все государственные люди всех веков и стран, включая сюда и абсолютных деспотов, всегда смотрели на народное воображение, как на основу своего могущества, и никогда не решались действовать наперекор ему. "Представившись католиком, — сказал Наполеон в государственном совете, — я мог окончить вандейскую войну; представившись мусульманином, я укрепился в Египте, а представившись ультрамонтаном, я привлек на свою сторону итальянских патеров. Если бы мне нужно было управлять еврейским народом, то я восстановил бы храм Соломона". Никогда еще со времен Александра и Цезаря ни один человек не умел лучше Наполеона действовать на воображение толпы. Он постоянно думал только о том, как бы поразить ее воображение; он заботился об этом во всех своих победах, речах, во всех своих действиях и даже на одре смерти.

Влиять на толпу нельзя, действуя на ее ум и рассудок, т.е. путем доказательств. Антонию, например, удалось возбудить народ против убийц Цезаря никак не посредством искусной риторики, а посредством чтения его завещания и указания на его труп.

Образы, поражающие воображение толпы, всегда бывают простыми и ясными, не сопровождающимися никакими толкованиями, и только иногда к ним присоединяются какие-нибудь чудесные или таинственные факты: великая победа, великое чудо, крупное преступление, великая надежда. Толпе надо всегда представлять вещи в цельных образах, не указывая на их происхождение. Мелкие преступления и несчастные случаи вовсе не поражают воображения толпы, как бы они ни были многочисленны; наоборот, какой-нибудь крупный несчастный случай или преступление глубоко действуют на толпу, хотя бы последствия их были далеко не так пагубны, как последствия многочисленных, но мелких несчастных случаев и преступлений.

Не факты сами по себе поражают народное воображение, а то, каким образом они распределяются и представляются толпе. Необходимо, чтобы, сгущаясь, если мне будет позволено так выразиться, эти факты представили бы такой поразительный образ, что он мог бы овладеть всецело умом толпы и наполнить всю область ее понятий. Кто владеет искусством производить впечатление на воображение толпы, тот и обладает искусством ею управлять.

Толпа под влиянием соответствующего внушения готова принести себя в жертву ради внушенного ей идеала и что ей свойственны только сильные и крайние чувства, причем симпатия у нее быстро превращается в обожание, а антипатия, едва народившись, тотчас же превращается в ненависть. Эти общие указания позволяют нам предугадывать "убеждения" толпы.

Всегда эти убеждения принимают форму религиозного чувства. Это чувство характеризуется очень просто: обожание предполагаемого верховного существа, боязнь приписываемой ему магической силы, слепое подчинение его велениям, невозможность оспаривать его догматы, желание распространять их, стремление смотреть как на врагов на всех тех, кто не признает их — вот главные черты этого чувства. Относится ли это чувство к невидимому Богу, к каменному или деревянному идолу, или к герою, к политической идее, — с того самого момента, как в нем обнаруживаются вышеуказанные черты, оно уже имеет религиозную сущность. Сверхъестественное и чудесное встречаются с ним в одинаковой степени. Толпа

бессознательно награждает таинственной силой политическую формулу или победоносного вождя, возбуждающего в данный момент ее фанатизм.

Религиозность обуславливается не одним только обожанием какого-нибудь божества; она выражается и тогда, когда все средства ума, подчинение воли, пылкость фанатизма всецело отдаются на службу какому-нибудь делу или существу, которое становится целью и руководителем помыслов и действий толпы.

Нетерпимость и фанатизм составляют необходимую принадлежность каждого религиозного чувства и неизбежны у тех, кто думает, что обладает секретом земного или вечного блаженства. Эти черты встречаются в каждой группе людей, восстающих во имя какого-нибудь убеждения. Якобинцы времен террора были так же глубоко религиозны, как и католики времен инквизиции, и их свирепая пылкость вытекала из одного и того же источника.

Все убеждения толпы имеют такие черты слепого подчинения, свирепой нетерпимости, потребности в самой неистовой пропаганде, которые присущи религиозному чувству; вот почему мы и вправе сказать, что верования толпы всегда имеют религиозную форму. Герой, которому поклоняется толпа, поистине для нее Бог. Наполеон был им в течение пятнадцати лет, и никогда еще ни одно божество не имело таких преданных поклонников и ни одно из них не посылало с такой легкостью людей на смерть. Языческие и христианские боги никогда не пользовались такой абсолютной властью над покоренными ими душами. Основатели религиозных или политических верований только потому могли достигнуть цели, что умели внушить толпе чувство фанатизма, заставляющее человека находить счастье в обожании и подчинении и с готовностью жертвовать своей жизнью для своего идола.

Так было во все времена. В своей прекрасной книге о римской Галлии Фюстель де Куланж указывает, что римская империя держалась не силой, а чувством религиозного восхищения, которое она внушала. "Это был бы беспримерный случай в истории, — говорит он не без основания, — когда режим, ненавидимый народом, держался целых пять веков... Нельзя было бы объяснить себе, как тридцать легионов империи могли принуждать к послушанию стомиллионный народ. Если же эти миллионы людей повиновались, то потому лишь, что император, олицетворявший в их глазах римское величие, пользовался обожанием с общего согласия, подобно божеству. В самой маленькой деревушке империи императору воздвигались алтари. В душе народа, от одного края империи до другого, народилась новая религия, в которой божествами были императоры. За несколько лет до христианской эры вся Галлия, составляющая шестьдесят городов, воздвигла сообща храм Августу близ Лиона... Священники, выбранные собранием галльских городов, были первыми лицами в стране... Нельзя приписывать все это чувству страха и раболепству. Целые народы раболепны быть не могут или, во всяком случае, не могут раболепствовать в течение трех веков. Императора обожали не царедворцы, а Рим, и не только Рим, а вся Галлия, Испания, Греция и Азия".

В настоящее время великим завоевателям душ не строят больше алтарей, но зато им воздвигают статуи, и культ, оказываемый им теперь, не отличается заметным образом от того, который им оказывали в прежние времена. Философия истории становится нам понятной лишь тогда, когда мы вполне усвоим себе основные пункты психологии толпы, указывающие, что для толпы надо быть богом или ничем. Не следует думать, что эти предрассудки прошлых веков окончательно изгнаны рассудком. В своей вечной борьбе против разума чувство никогда не бывало побежденным. Толпа не хочет более слышать слов "божество" и религия во имя которых она так долго поработалась, но никогда еще она не обладала таким множеством фетишей, как в последние сто лет, и никогда не воздвигала столько алтарей и памятников своим старым божествам.

С какой легкостью возрождаются религиозные инстинкты толпы. Нет ни одной

деревенской гостиницы, в которой не имелось бы изображения героя. Ему приписывается сила уничтожать все бедствия и восстанавливать справедливость; тысячи людей готовы отдать за него свою жизнь. Какое бы место он занимает в истории, если его характер оказывается на высоте этой легенды!

Незачем повторять здесь, что толпа нуждается в религии, так как все верования, политические, божественные и социальные, усваиваются ею лишь в том случае, если они облечены в религиозную форму, недопускающую оспариваний. Если заставить толпу усвоить атеизм, то он выразился бы в такой же пылкой нетерпимости, как и всякое религиозное чувство, и в своих внешних формах скоро превратился бы в настоящий культ.

Эволюция маленькой секты позитивистов любопытным образом подтверждает это положение. С нею случилось то же, что с тем нигилистом, историю которого нам рассказывает глубокий писатель *Достоевский*. Озаренный в один прекрасный день светом разума, этот нигилист разбил изображения божества и святых, украшавшие алтарь его часовни, потушил восковые свечи и, не теряя ни минуты, заменил уничтоженные изображения творениями философов-атеистов, таких как Бюхнер и Молешотт, и снова благоговейно зажег свечи. Предмет его религиозных верований изменился, но можно ли сказать в самом деле, что изменилось также и его религиозное чувство?

Исторические события, и притом наиболее важные, только тогда становятся понятными, когда мы вполне уясним себе ту религиозную форму, в которую всегда в конце концов облакаются все убеждения толпы.

Запуск толпы производится двумя вилами факторов: отдаленными и непосредственными. Во всех великих событиях истории мы можем наблюдать последовательное действие этих двойных факторов. Возьмем один из самых разительных примеров — французскую революцию. Отдаленными факторами этого события были творения философов, вымогательства аристократии, успехи научной мысли. Подготовленная таким образом душа толпы легко уже была увлечена непосредственными факторами, как то: речами ораторов и сопротивлением двора по поводу самых незначительных реформ.

К числу отдаленных факторов принадлежат такие общие факторы, которые встречаются в глубине всех верований и мнений толпы, это традиции, время, учреждения и воспитание.

В традициях выражаются идеи, потребности и чувства прошлого масс; в них заключается синтез народа, всей своей тяжестью давящий на нас. Люди руководствуются традициями особенно тогда, когда они находятся в толпе, причем меняются легко только одни названия, внешние формы.

Без традиций не может быть цивилизации; без разрушения традиций не может быть никакого прогресса. Трудность заключается в том, чтобы отыскать равновесие между постоянством и изменчивостью, и эта трудность очень велика.

В докладе бывшего члена конвента Фуркруа, цитированном Тэнном, говорится об этом отношении вполне определенно: "Повсеместное празднование воскресного дня и посещение церквей указывает, что масса французов желает возвращения к прежним обычаям, и теперь не время противиться этой национальной склонности... Огромная масса людей нуждается в религии, культе и священниках. Ошибка нескольких современных философов, в которую я и был вовлечен, заключалась именно в том, что они полагали, будто образование, если оно достаточно распространится в народе, может уничтожить религиозные пред-рассудки. Эти предрассудки служат источником утешения для огромного числа несчастных... Надо, следовательно, оставить народной массе ее священников, ее алтари и культ".

Ни один пример не показывает лучше этого, какую власть имеют традиции над душой толпы. Не в храмах надо искать самых опасных идолов, и не во дворцах

обитают наиболее деспотические из тиранов. И те, и другие могут быть разрушены в одну минуту. Но истинные, невидимые властелины, царящие в нашей душе, ускользают от всякой попытки к возмущению и уступают лишь медленному действию веков.

"Никакой режим не возник в один день, — говорит Лавосс. — Политические и социальные организации создаются веками. Феодализм существовал в бесформенном и хаотическом виде в течение многих веков, пока не подчинился известным правилам. Абсолютная монархия существовала также многие века, пока не найден был правильный правительственный режим, — и во все эти переходные периоды всегда были большие смуты".

Таким образом, тщательное сочинение конституции представляется совсем ненужным и бесполезным упражнением в риторике, так как время и нужда сами позаботятся о том, чтобы выработать подходящую форму конституции, если мы предоставим действовать этим двум факторам. Именно так поступали англосаксы, как это мы узнаём от великого английского историка Маколей, слова которого, сказанные по этому поводу, следовало бы выучить наизусть всем политикам, доказав, как много добра сделали законы, казавшиеся с точки зрения чистогоразума собранием нелепостей и противоречий. Маколей сравнивает разные конституции, погибшие во время волнений латинских народов Европы и Америки, с конституцией Англии и говорит, что эта последняя изменялась медленно, частями, под влиянием непосредственной нужды, но никогда не на основании спекулятивных рассуждений. "Не заботиться о симметрии, — говорит Маколей, — но больше всего думать о пользе; не отменять аномалий только на том основании, что это аномалии; не вводить новое, пока не ощущается чувство неловкости, причем нововведения допускаются лишь постольку, поскольку они нужны для устранения этого чувства; не переходить за пределы того частного случая, которому надо помочь, — вот правила, которыми обыкновенно руководствовались наши 250 парламентов со времен Иоанна до эпохи Виктории".

Можно, например, рассуждать с философской точки зрения о преимуществах и невыгодах централизации, но если мы вспомним, что великая революция, стремившаяся низвергнуть все учреждения прошлого, все-таки вынуждена была не только уважать эту централизацию, но даже еще увеличила ее, то поневоле должны будем признать, что это учреждение — продукт настоящей необходимости и что оно составляет одно из условий существования народа; поэтому-то нам и приходится пожалеть об ограниченности некоторых политических деятелей, требующих ее уничтожения. Если бы случайно им удалось достигнуть своей цели, это послужило бы немедленно сигналом к ужасной гражданской войне, которая опять-таки привела бы к новой централизации, еще более тяжелой, нежели прежняя.

Из всего вышесказанного мы должны вывести то заключение, что нельзя действовать посредством учреждений на душу толпы.

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Многие знаменитые философы, в их числе Герберт Спенсер, без труда доказали, что образование не делает человека ни более нравственным, ни более счастливым и не изменяет ни его инстинктов, ни его наследственных страстей, а иногда даже, если только оно дурно направлено, причиняет более вреда, нежели пользы. Статистики подтвердили этот взгляд, показав нам, что преступность увеличивается вместе с обобщением образования или, по крайней мере, с обобщением известного рода образования. В недавнем своем труде Адольф Гилльо указывает, что в настоящее время на 1000 необразованных преступников приходится 3000 образованных, и в промежутки 50 лет количество преступников возросло с 227 на

100000 жителей до 552 и, следовательно, увеличилась на 143%.

Без сомнения, никто не станет отрицать, что правильно направленное образование может дать очень полезные практические результаты, если не в смысле повышения нравственности, то, во всяком случае, в смысле развития профессиональных способностей. К сожалению, многие народы, особенно в течение последних 25 лет, основали свои образовательные системы на совершенно ложных принципах и, несмотря на слова самых знаменитых людей, таких как Брюль, Фюстель де Куланж, Тэн и др., они продолжают настаивать на своих печальных заблуждениях. Я указал уже в одной из своих прежних работ, как наша современная воспитательная система превращает во врагов общества тех, кто получил это воспитание, и как она подготавливает последователей самых худших видов социализма.

Главная опасность этой воспитательной системы, вполне справедливо именуемой латинской системой, заключается в том, что она опирается на то основное психологическое заблуждение, будто заучиванием наизусть учебников развивается ум. Исходя из такого убеждения, заставляют учить как можно больше, и от начальной школы до получения ученой степени молодой человек только и делает, что заучивает книги, причем ни его способность к рассуждению, ни его инициатива нисколько не упражняются. Все учение заключается для него в том, чтобы отвечать наизусть и слушаться. "Учить уроки, — пишет один из бывших министров народного просвещения, Жюль Симон, — знать наизусть грамматику или конспект, хорошенько повторять и подражать — вот забавная воспитательная система, где всякое усилие является лишь актом веры в непогрешимость учителя и ведет лишь к тому, чтобы нас умалить и сделать беспомощными".

Если бы такое воспитание было только бесполезно, то можно было бы ограничиться сожалением о несчастных детях, которым предпочитают преподавать генеалогию или зоологические классификации, вместо того, чтобы обучить их в первоначальной школе чему-нибудь полезному. Но такая система воспитания представляет собой гораздо более серьезную опасность: она внушает тому, кто ее получил, отвращение к условиям своего общественного положения, так что крестьянин уже не желает более оставаться крестьянином, и самый последний из буржуа не видит для своего сына другой карьеры, кроме той, которую представляют должности, оплачиваемые государством. Вместо того, чтобы подготавливать людей для жизни, школа готовит их только к занятию общественных должностей, где можно достигнуть успеха, не проявляя ни малейшей инициативы и не действуя самостоятельно. Внизу лестницы такая воспитательная система создает целые армии недовольных своей судьбой пролетариев, готовых к возмущению, вверху — легкомысленную буржуазию, скептическую и легковерную, питающую суеверное доверие к провиденциальной силе государства, против которого, однако, она постоянно фрондирует, и всегда обвиняет правительство в своих собственных ошибках, хотя в то же время сама решительно неспособна предпринять что бы то ни было без вмешательства власти.

Государство, производящее всех этих дипломированных господ, может использовать из них лишь очень небольшое число, оставляя всех прочих без всякого дела, и таким образом оно питает одних, а в других создает себе врагов. Огромная масса дипломированных осаждают в настоящее время все официальные посты, и на каждую, даже самую скромную, официальную должность кандидаты считаются тысячами, между тем как какому-нибудь негодяю, например, очень трудно найти агента, который мог бы быть его представителем в колониях. В одном только департаменте Сены насчитывается 20000 учителей и учительниц без всяких занятий, которые, презирая ремесла и полевые работы, обращаются к государству за средствами к жизни. Так как число избранных ограничено, то неизбежно

возрастает число недовольных, и эти последние готовы принять участие во всякого рода возмущениях, каковы бы ни были их цели и каковы бы ни были их вожди. Приобретение таких познаний, которые затем не могут быть приложены к делу, служит верным средством к тому, чтобы возбудить в человеке недовольство.

То же самое стало наблюдаться и в Индии после того, как англичане открыли там школы не для воспитания, как это делается в Англии, а для того только, чтобы обучать туземцев. Вследствие этого в Индии и образовался специальный класс ученых, бабу, которые, не получая занятий, становятся непримиримыми врагами английского владычества. У всех бабу — имеющих занятия или нет — первым результатом полученного ими образования было понижение уровня нравственности.

Необходимо заменить наши скверные руководства, наши жалкие конкурсы профессиональным воспитанием, которое вернет нашу молодежь к полю, мастерским и предприятиям, избегаемым ею всеми средствами в настоящее время. Это профессиональное воспитание, которого так добиваются теперь все просвещенные умы, существовало у нас некогда, и народы, властвующие теперь над миром своей волей, инициативой и духом предприимчивости, сумели сохранить его.

Рассудок, опыт, инициатива и характер — вот условия успеха в жизни; книги же этого не дают. Книги — это словари, очень полезные для наведения справок, но совершенно бесполезно хранить в своей голове целые длинные отрывки из них!

Насколько профессиональное образование может более классического содействовать развитию ума, Тэн объясняет следующим образом: "Идеи образуются только в своей естественной и нормальной среде. Развитию зародыша этих идей способствуют бесчисленные впечатления, которые юноша получает ежедневно в мастерской, на руднике, в суде, в классе, на верфи, в госпитале, при виде инструментов, материалов и операций, в присутствии клиентов, рабочих, труда, работы, хорошо или дурно сделанной, убыточной или прибыльной. Все эти мелкие частные восприятия глаз, уха, рук и даже обоняния, произвольно удержанные в памяти и тайно переработанные, организуются в уме человека, чтобы рано или поздно внушить ему ту или иную новую комбинацию, упрощение, экономию, улучшение или изобретение. Молодой француз лишен всех этих драгоценных восприятия, соприкосновения с элементами, легко усваиваемыми и необходимыми, и притом лишен в самом плодотворном возрасте. В течение семи или восьми лет он заперт в школе, вдали от непосредственного и личного опыта, который мог бы дать ему точное и глубокое понятие о вещах, людях и различных способах обращаться с ними. ...По крайней мере девять из десяти потеряли свое время и труд в течение нескольких лет своей жизни и притом в такие годы, которые могут считаться наиболее действенными, важными и даже решающими. Вычитите прежде всего половину или две трети из тех, которые являются на экзамены, т.е. отвергнутых; затем из числа принятых, получивших ученые степени, свидетельства, дипломы, отнимите также половину или две трети — я говорю о переутомленных. От них потребовали слишком многого, заставив их в такой-то день, сидя на стуле или перед какой-нибудь картиной, изображать из себя в течение двух часов в присутствии группы

ученых живой запас всех человеческих познаний. Действительно, они были таким вместительным в течение двух часов в этот день, но через месяц они уже не в состоянии были бы выдержать снова этот экзамен. Приобретенные ими познания, слишком многочисленные и слишком тяжеловесные, непрерывно исчезают из их ума, а новых они не приобретают. Умственная сила их поколебалась, плодоносные соки ее иссякли; перед нами человек уже готовый и часто совершенно конченный. Устроившись, женившись и покорившись необходимости возвращаться в одном и том же кругу, он замыкается в узких пределах своей службы, которую

выполняет корректным образом, но далее этого не идет..."

В хорошей и правильной системе образования обучают не книги, а сами предметы. Инженер обучается там прямо в мастерской, не в школе, и это дает возможность каждому приобрести познания, отвечающие его умственным способностям, остаться простым рабочим или сделаться мастером, если он не в состоянии идти дальше, или же стать инженером, если это позволяют его способности. Такой метод, без сомнения, гораздо более демократичен и гораздо более полезен обществу, чем такой, который ставит всю карьеру 18-ти или 20-летнего человека в зависимость от испытания, продолжающегося всего лишь несколько часов.

В госпитале, на рудниках, на фабрике, у архитектора, у адвоката ученик, поступающий в очень молодых годах, проходит весь курс учения и практики, почти так же, как у нас проходит его клерк в конторе или живописец в мастерской. Перед тем, до поступления в учение, он мог пройти какой-нибудь краткий общий курс, который ориентирует его в мире и профессии. На который наслаиваются новые знания. Кроме того у него под рукой часто имеются какие-нибудь технические курсы, которые он может посещать в свободные часы, чтобы приводить в порядок вынесенные им из своего ежедневного опыта наблюдения. При таком режиме практические способности ученика увеличиваются и развиваются сами собой, как раз в такой степени, какая отвечает его природным дарованиям, и в направлении, нужном для его будущей деятельности, для того специального дела, к которому он хочет приспособить себя. Таким образом, в Англии и Соединенных Штатах юноше очень скоро удается извлечь всю пользу из своих дарований.

"Во всех трех стадиях учения — в детском, отроческом и юношеском возрасте — теоретическая и школьная подготовка с помощью книг стала длиннее и обременительнее ввиду экзамена и получения степеней, и дипломов и свидетельств. Это удлинение и отягощение школьных занятий вызывается применением противоестественного режима, выражающегося в откладывании практического учения, искусственных упражнений и механического набивания головы ненужными сведениями, переутомлением. При этом не принимаются во внимание последующие годы и обязанности, которые выпадают на долю взрослого человека, — одним словом, ни реальный мир, куда должен вступить юноша, ни окружающее его общество, к которому он должен заранее приспособиться, ни житейские столкновения, к которым юноша должен быть заранее хорошо подготовлен, укреплен и вооружен (иначе он не в состоянии будет ни устоять, ни защищаться), не принимаются в расчет этой системой воспитания. Наши школы не дают своим ученикам такой подготовки, более важной, чем всякая другая, не снабжают его необходимой твердостью здравого смысла, воли и нервов. Наоборот, вместо того чтобы подготовить ученика для предстоящих ему условий жизни, школа лишает его необходимых для этого качеств. Отсюда вытекает то, что его вступление в жизнь, его первые шаги на поприще практической деятельности часто сопровождаются рядом неприятных поражений, вызывающих у него чувство огорчения и оскорбления, долго не исчезающее и порой искалечивающее его навсегда. Это тяжелое и опасное испытание; нравственное и умственное равновесие может пострадать от этого и рискует никогда вполне не восстановиться. Разочарование наступает слишком внезапно и бывает слишком полным; заблуждение было слишком велико и слишком велики будут неприятности".

Воспитание — единственное средство, которым мы обладаем, чтобы действовать на душу народа, и грустно думать, что во Франции почти нет никого, кто бы мог понять, что наше современное воспитание составляет опасный элемент быстрого упадка, и вместо того чтобы развивать нашу молодежь, оно извращает и унижает ее.

Наша воспитательная система создает только ограниченных буржуа без

инициативы и без воли или анархистов, — два типа, одинаково опасных, — цивилизованного человека, бесплодно вращающегося среди бессильной пошлости, либо увлеченного безумием разрушения. Наши школы - эти фабрики дегенерации, но есть школы, превосходно подготавливающие человека для жизни. Тут можно ясно видеть, какая пропасть существует между действительно демократическими народами и такими, у которых демократические идеи существуют только в речах, а не в мыслях.

Образование, которое дается молодому поколению в какой-нибудь стране, позволяет нам предвидеть, какая участь ожидает эту страну. Воспитание, получаемое современным поколением, оправдывает самые мрачные предсказания в этом отношении. Образование и воспитание до некоторой степени могут улучшить или испортить душу толпы. Необходимо было указать, как действует на нее современная система и как масса равнодушных и нейтральных индивидов превратилась постепенно в громадную армию недовольных, готовых повиноваться всяким внушениям утопистов и демагогов. В школах-то именно и подготавливается будущее падение таких народов.

Изучая воображение толпы, мы видели, что на него очень легко действовать, в особенности образами. Такие образы не всегда имеются в нашем распоряжении, но их можно вызывать посредством умелого применения слов и формул. Искусно обработанные формулы получают действительно ту магическую силу, которая им приписывалась некогда адептами магии. Они могут возбудить в душе толпы самые грозные бури, но умеют также и успокаивать их.

Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу.

Таковы, например, термины: демократия, социализм, равенство, свобода и т.д., до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удастся с точностью разъяснить их смысл. Между тем, в них, несомненно, заключается магическая сила, как будто на самом деле в них скрыто разрешение всех проблем. Они образуют синтез всех бессознательных разнообразных стремлений и надежд на их реализацию. Ни рассудок, ни убеждение не в состоянии бороться против известных слов и известных формул. Они произносятся перед толпой с благоговением, и тотчас же выражение лиц становится почтительным, и головы склоняются.

Многие смотрят на них как на силы природы или сверхъестественные силы. Они вызывают в душе грандиозные и смутные образы, и окружающая их неопределенность только увеличивает их таинственное могущество. Они являются таинственными божествами, скрытыми позади скинии, к которым верующие приближаются с благоговейной дрожью.

Бывает так, что слова, вызывавшие раньше образы, изнашиваются и уже более ничего не пробуждают в уме. Они становятся тогда пустыми звуками, единственная польза которых заключается в том, что они избавляют тех, кто их употребляет, от обязанности думать. Имея маленький запас таких формул и общих мест, заученных нами в молодости, мы обладаем всем, что нужно, чтобы прожить жизнь, не утомляя себя размышлениями.

Могущество слов так велико, что стоит только придумать изысканные названия для каких-нибудь самых отвратительных вещей, чтобы толпа тотчас же приняла их. Тэн справедливо замечает, что именно призывая свободу и братство, — слова очень популярные в те времена, — якобинцы могли "водворить деспотизм, достойный Дагомеи, суд, достойный инквизиции, и организовать человеческие гекатомбы, напоминающие гекатомбы древней Мексики".

Искусство правителей, а также адвокатов, именно и заключается в том, чтобы

уметь обращаться со словами. Главная трудность этого искусства состоит в том, что в одном и том же обществе, но в разных социальных слоях, одни и те же слова весьма часто имеют совершенно различный смысл. Внешне в этих общественных слоях употребляют такие же точно слова, но эти слова никогда не имеют того же самого значения.

Толпа никогда не стремилась к правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее. Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится ее повелителем; кто же стремится образумить ее, тот всегда бывает ее жертвой.

Опыт является, наверное, единственным действительным средством для прочного укрепления какой-нибудь истины в душе толпы и разрушения иллюзий, сделавшихся чересчур опасными. Нужно, однако, чтобы опыт совершен был в широких размерах, и чтобы он повторился несколько раз. Опыт одного поколения обыкновенно не приносит пользы следующему, вот почему лишне пользоваться историческими фактами как примерами. Единственное значение таких демонстраций заключается лишь в том, что они показывают, до какой степени необходимо из века в век повторять опыт, чтобы он мог оказать какое-либо влияние и пошатнуть хотя бы одно-единственное заблуждение, если только оно прочно укоренилось в душе толпы.

Чтобы доказать на опыте, как дорого обходятся народам Цезари, которых они приветствуют радостными криками, понадобился целый ряд разорительных испытаний в течение целых пятидесяти лет, но, несмотря на всю их очевидность, они все еще, по-видимому, недостаточно убедительны. Между тем, первый из этих опытов стоил три миллиона человеческих жизней и был причиной нашествия; второй же вызвал разложение и необходимость содержать постоянные армии. Третий опыт чуть-чуть не был сделан недавно и, вероятно, рано или поздно будет-таки сделан. Чтобы убедить целый народ в том, что огромная германская армия вовсе не представляет собой, как учили нас лет тридцать тому назад, только безвредную национальную гвардию, понадобилась ужасная война, стоившая нам очень дорого.

Перечисляя факторы, способные производить впечатление на душу толпы, мы могли бы совершенно не упоминать о рассудке, если бы это не было нужно нам для того, чтобы указать на отрицательное значение его влияния. Мы указали уже, что на толпу нельзя влиять рассуждениями, так как ей доступны только грубые ассоциации идей. Поэтому-то факторы, умеющие производить впечатление на толпу, всегда обращаются к ее чувствам, а не к ее рассудку. Законы логики не оказывают на нее никакого действия. Чтобы убедить толпу, надо сначала хорошенько ознакомиться с воодушевляющими ее чувствами, притвориться, что разделяешь их, затем попытаться их изменить, вызывая посредством первоначальных ассоциаций какие-нибудь прельщающие толпу образы. Надо также уметь вернуться назад в случае нужды, и главное — уметь угадывать ежеминутно те чувства, которые порождаешь в толпе.

Необходимость постоянно менять свою речь сообразно с производимым ею в ту минуту впечатлением, заранее осуждает на неуспех всякие подготовленные и заученные речи. В такой речи оратор следит только за развитием своей собственной мысли, а не за развитием мыслей своих слушателей, и уже поэтому одному влиянию его совершенно ничтожно.

Логические умы, привыкшие всегда иметь дело с целой цепью рассуждений, вытекающих одно из другого, непременно прибегают к такому же способу убеждения, когда обращаются к толпе, и всегда бывают изумлены тем, как мало действуют на нее аргументации. Попробуйте подействовать рассуждениями на примитивные умы, на дикарей или детей, например, и вы тогда вполне убедитесь,

как мало значения имеет подобный метод аргументации.

Предоставим разум философам, но не будем требовать от него слишком большого вмешательства в дело управления людьми. Не при помощи рассудка, а всего чаще помимо него, народились такие чувства, как честь, самоотвержение, религиозная вера, любовь к славе и к отечеству — чувства, которые были до сих пор главными пружинами всякой цивилизации.

Вождь. В толпе людей вождь часто бывает только вожаком, но, тем не менее, роль его значительна. Его воля представляет то ядро, вокруг которого кристаллизуются и объединяются мнения. Он составляет собой первый элемент организации разнородной толпы и готовит в ней организацию сект. Пока же это не наступит, он управляет ею, так как толпа представляет собой раблепное стадо, которое не может обойтись без властелина.

Вожак обыкновенно сначала сам был в числе тех, кого ведут; он так же был загипнотизирован идеей, апостолом которой сделался впоследствии. Эта идея до такой степени завладела им, что все вокруг исчезло для него, и всякое противное мнение ему казалось уже заблуждением и предрассудком. Потому-то Робеспьер, загипнотизированный идеями Руссо, и пользовался методами инквизиции для их распространения.

Обыкновенно вожаки не принадлежат к числу мыслителей — это люди действия. Они не обладают пронизательностью, так как пронизательность ведет обыкновенно к сомнениям и бездействию. Чаще всего вожаками бывают психически неуравновешенные люди, полупомешанные, находящиеся на границе безумия. Как бы ни была нелепа идея, которую они защищают, и цель, к которой они стремятся, их убеждения нельзя поколебать никакими доводами рассудка. Презрение и преследование не производят на них впечатления или же только еще сильнее возбуждают их. Личный интерес, семья — все ими приносится в жертву. Инстинкт самосохранения у них исчезает до такой степени, что единственная награда, к которой они стремятся, — это мученичество. Напряженность их собственной веры придает их словам громадную силу внушения. Толпа всегда готова слушать человека, одаренного сильной волей и умеющего действовать на нее внушающим образом. Люди в толпе теряют свою волю и инстинктивно обращаются к тому, кто ее сохранил.

Часто вожаками бывают хитрые ораторы, преследующие лишь свои личные интересы и действующие путем поблажки низким инстинктам толпы. Влияние, которым они пользуются, может быть и очень велико, но всегда бывает очень эфемерно. Великие фанатики, увлекавшие душу толпы, Петр Пустынник, Лютер, Савонарола, деятели революции, только тогда подчинили ее своему обаянию, когда сами подпали под обаяние известной идеи. Тогда им удалось создать в душе толпы ту грозную силу, которая называется верой и содействует превращению человека в абсолютного раба своей мечты. Роль всех великих вожаков главным образом заключается в том, чтобы создать веру, все равно, религиозную, политическую, социальную, или веру в какое-нибудь дело, человека или идею, вот почему их влияние и бывало всегда очень велико. Из всех сил, которыми располагает человечество, сила веры всегда была самой могущественной, и не напрасно в Евангелии говорится, что вера может сдвинуть горы. Дать человеку веру — это удесятерить его силы. Великие исторические события произведены были неизвестными верующими, вся сила которых заключалась в их вере. Не ученые и не философы создали великие религии, управлявшие миром и обширные царства, распространявшиеся от одного полушария до другого!

Во всех этих случаях, конечно, действовали одержимые вожаки, а их не так много в истории. Они образуют вершину пирамиды, постепенно спускающейся от этих могущественных властителей над умами толпы до того оратора, который в дымной

гостинице медленно подчиняет своему влиянию слушателей, повторяя им готовые формулы, смысла которых он сам не понимает, но считает их способными непременно повести за собой реализацию всех мечтаний и надежд.

Во всех социальных сферах, от самых высших до низших, если только человек не находится в изолированном положении, он легко подпадает под влияние какого-нибудь вожака. Большинство людей, особенно в народных массах, за пределами своей специальности не имеет почти ни о чем ясных и более или менее определенных понятий. Такие люди не в состоянии управлять собой, и вожак служит им руководителем.

Власть вожаков очень деспотична, но именно этот деспотизм и заставляет ей подчиняться. Не трудно убедиться, как легко они вынуждают рабочие классы, даже самые буйные, повиноваться себе, хотя для поддержания своей власти у них нет никаких средств. Они назначают число рабочих часов, величину заработной платы, организуют стачки и заставляют их начинаться и прекращаться в определенный час. В настоящее время вожаки толпы все более и более оттесняют общественную власть, теряющую свое значение вследствие распрей. Тирания новых властелинов покоряет толпу и заставляет ее повиноваться им больше, чем она повиновалась какому-нибудь правительству. Если же вследствие какой-нибудь случайности вожак исчезает и не замещается немедленно другим, то толпа снова становится простым сборищем без всякой связи и устойчивости. Во время последней стачки кучеров омнибусов в Париже достаточно было арестовать двух вожаков, руководивших ею, чтобы она тотчас же прекратилась. В душе толпы преобладает не стремление к свободе, а потребность подчинения; толпа так жаждет повиноваться, что инстинктивно покоряется тому, кто объявляет себя ее властелином.

Класс вожаков удобно подразделяется на две определенные категории. К одной принадлежат люди энергичные, с сильной, но появляющейся у них лишь на короткое время волей; к другой — вожаки, встречающиеся гораздо реже, обладающие сильной, но в тоже время и стойкой волей. Первые — смелы, буйны, храбры; они особенно пригодны для внезапных дерзких предприятий, для того, чтобы увлечь массы несмотря на опасность и превратить в героев вчерашних рекрутов. Таковы были, например, Ней и Мюрат во времена первой Империи. В наше время таким был Гарибальди, не обладавший никакими особенными талантами, но очень энергичный, сумевший овладеть целым неаполитанским королевством, располагая лишь горстью людей, тогда как королевство имело в своем распоряжении дисциплинированную армию для своей защиты.

Но энергия этих вожаков, хотя и очень могущественная, держится недолго и исчезает вместе с возбудителем, вызвавшим ее появление. Очень часто герои, проявившие такую энергию, вернувшись к обыденной жизни, обнаруживали самую изумительную слабость и полную неспособность руководить своими поступками даже при самых обыкновенных условиях, хотя они с виду так хорошо умели руководить другими людьми. Такие вожаки могут выполнять свою функцию лишь при том условии, если ими руководят и возбуждают их постоянно, и если всегда над ними находится человек или идея, указывающие им их поведение.

Вторая категория вожаков, обладающих стойкой волей, не столь блестяща, но имеет гораздо большее значение. К этой категории и принадлежат истинные основатели религии и творцы великих дел: св. Павел, Магомет, Христофор Колумб, Лессепс. Умны ли они, или ограничены — все равно, мир будет всегда им принадлежать! Их упорная воля представляет собой редкое и могущественное качество, которое всё заставляя себе покоряться. Часто не отдают себе достаточно отчета в том, чего можно достигнуть посредством упорной и сильной воли, а между тем, ничто не может противостоять такой воле — ни природа, ни боги, ни люди.

Чтобы толпа повиновалась внушению, надо, чтобы тот, кто хочет увлечь ее за

собой, обладал особенным качеством, известным под именем **обаяния**.

Чтобы заставить душу толпы проникнуться какими-нибудь идеями или верованиями, например, современными социальными теориями, то применяются другие способы, преимущественно следующие: утверждение, повторение, зараза. Действие этих способов медленное, но результаты, достигаемые ими, очень стойки.

Простое утверждение, не подкрепляемое никакими рассуждениями и никакими доказательствами, служит одним из самых верных средств для того, чтобы заставить какую-нибудь идею проникнуть в душу толпы. Чем более кратко утверждение, чем более оно лишено какой бы то ни было доказательности, тем более оно оказывает влияние на толпу. Священные книги и кодексы всех веков всегда действовали посредством простого утверждения; государственные люди, призванные защищать какое-нибудь политическое дело, промышленники, старающиеся распространять свои продукты с помощью объявлений, хорошо знают, какую силу имеет утверждение.

Утверждение тогда лишь оказывает действие, когда оно повторяется часто и, если возможно, в одних и тех же выражениях. Кажется, Наполеон сказал, что существует только одна заслуживающая внимания фигура риторики — это повторение. Посредством повторения идея водворяется в умах до такой степени прочно, что в конце концов она уже принимается как доказанная истина.

Влияние утверждения на толпу становится понятным, когда мы видим, какое могущественное действие оно оказывает на самые просвещенные умы. Это действие объясняется тем, что часто повторяемая идея в конце концов врезается в самые глубокие области бессознательного, где именно и вырабатываются двигатели наших поступков.

Спустя некоторое время мы забываем, кто был автором утверждения, повторявшегося столько раз, и в конце концов начинаем верить ему, отсюда-то и происходит изумительное влияние всяких публикаций. После того, как мы сто, тысячу раз прочли, что лучший шоколад — это шоколад X, нам начинает казаться, что мы слышали это с разных сторон, и мы в конце концов совершенно убеждаемся в этом. Прочтя тысячи раз, что мука Y спасла таких-то и таких-то знаменитых людей от самой упорной болезни, мы начинаем испытывать желание прибегнуть к этому средству, лишь только заболеваем аналогичной болезнью. Читая постоянно в одной и той же газете, что А — совершенный негодяй, а В — честнейший человек, мы в конце концов становимся сами в убежденными в этом, конечно, если только не читаем при этом еще какую-нибудь другую газету, высказывающую совершенно противоположное мнение. Только утверждение и повторение в состоянии состязаться друг с другом, так как обладают в этом случае одинаковой силой.

После того, как какое-нибудь утверждение повторялось уже достаточное число раз, и повторение было единогласным (как это можно наблюдать, скажем, на примере некоторых финансовых предприятий, пользующихся известностью и достаточно богатых, чтобы купить себе поддержку общественного мнения), образуется то, что называется течением, и на сцену выступает могущественный фактор — зараза. В толпе идеи, чувства, эмоции, верования — все получает такую же могущественную силу заразы, какой обладают некоторые микробы. Это явление вполне естественное, и его можно наблюдать даже у животных, когда они находятся в стаде. Паника, например, или какое-нибудь беспорядочное движение нескольких баранов быстро распространяется на целое стадо. В толпе все эмоции также точно быстро становятся заразительными, чем и объясняется мгновенное распространение паники. Умственные расстройства, например, безумие, также обладают заразительностью. Известно, как часто наблюдаются случаи умопомешательства среди психиатров, а в последнее время замечено даже, что некоторые формы, например агорафобия, могут даже передаваться от человека

животным.

Появление заразы не требует одновременного присутствия нескольких индивидов в одном и том же месте; оно может проявлять свое действие и на расстоянии, под влиянием известных событий, ориентирующих направление мыслей в известном смысле и придающих ему специальную окраску, соответствующую толпе. Это заметно особенно в тех случаях, когда умы уже подготовлены заранее отдаленными факторами. Поэтому-то революционное движение 1848 года, начавшись в Париже, сразу распространилось на большую часть Европы и пошатнуло несколько монархий. Подражание, которому приписывается такая крупная роль в социальных явлениях, в сущности составляет лишь одно из проявлений заразы.

Человек так же, как и животное, склонен подражанию; оно составляет для него потребность при условии, конечно, если не обставлено затруднениями. Именно эта потребность и обуславливает могущественное влияние так называемой моды. Кто же посмеет не подчиниться ее власти, все равно, касается ли это мнений, идей, литературных произведений или же просто-напросто одежды? Управляют толпой не при помощи аргументов, а лишь при помощи образцов. Во всякую эпоху существует небольшое число индивидов, внушающих толпе свои действия, и бессознательная масса подражает им. Но эти индивиды не должны все-таки слишком удаляться от преобладающих в толпе идей, иначе подражать будет трудно, и тогда все их влияние сведется к нулю. По этой-то причине люди, стоящие много выше своей эпохи, не имеют вообще на нее никакого влияния. Они слишком отдалены от нее. Поэтому-то и европейцы со всеми преимуществами своей цивилизации имеют столь незначительное влияние на народы Востока; они слишком отличаются от этих народов.

Двойное влияние — прошлого и взаимного подражания — в конце концов вызывает у людей одной и той же страны и одной и той же эпохи такое сходство, что даже те, кто менее всего должен был бы поддаваться такому влиянию, — философы, ученые и литераторы — обнаруживают все же такое семейное сходство в своих мыслях и стиле, что по этим признакам можно тотчас же узнать эпоху, к которой они принадлежат. Достаточно короткого разговора с каким-нибудь человеком, чтобы получить полное понятие о том, что он читает, какие его обычные занятия и в какой среде он живет.

Зараза настолько могущественна, что она может внушать индивидам не только известные мнения, но и известные чувства. Благодаря именно такой заразе, в известную эпоху подвергались презрению известные произведения, например, "Тангейзер", спустя несколько лет возбуждавший восторги тех же самых людей, которые его осмеяли.

Мнения и верования распространяются в толпе именно путем заразы, а не путем рассуждений, и верования толпы всех эпох возникали посредством такого же точно механизма: утверждения, повторения и заразы. Ренан совершенно справедливо сравнивает первых основателей христианства "с рабочими социалистами, распространяющими свои идеи по кабакам". Вольтер также говоря о христианской религии, сказал, "что в течение более чем ста лет ее последователями была только самая презренная чернь".

Обыкновенно вожаки, подпавшие под влияние этой идеи, завладевают ею, извращают ее, создают секту, которая в свою очередь извращает и затем распространяет ее в недрах масс, продолжающих извращать ее все более и более. Сделавшись наконец народной истиной, эта идея некоторым образом возвращается к своему первоначальному источнику и тогда уже действует на высшие слои нации. В конце концов мы видим, что все-таки ум управляет миром. Философы, создавшие какие-нибудь идеи, давно уже умерли и превратились в прах, но благодаря описанному мною механизму, мысль их все-таки торжествует в конце концов.

Идеи, распространяемые путем утверждения, повторения и заразы, обязаны своим могуществом главным образом таинственной силе, которую они приобретают, — **обаянию**.

Идеи или люди, подчинявшие себе мир, господствовали над ним преимущественно благодаря этой непреодолимой силе, именуемой обаянием. Мы все понимаем значение этого слова, но оно употребляется часто в таких различных смыслах, что объяснить его нелегко. Обаяние может слагаться из противоположных чувств, например, восхищения и страха. В основе обаяния действительно часто заложены именно эти чувства, но иногда оно существует и без них. Наибольшим обаянием, например, пользуются умершие, следовательно, — существа, которых мы не боимся: Александр, Цезарь, Магомет, Будда. С другой стороны есть такие предметы и фикции, которые нисколько не возбуждают в нас восхищения, например, чудовищные божества подземных храмов Индии, но которые, тем не менее имеют огромное обаяние.

В действительности обаяние — это род господства какой-нибудь идеи или какого-нибудь дела над умом индивида. Это господство парализует все критические способности индивида и наполняет его душу удивлением и почтением. Вызванное чувство необъяснимо, как и все чувства, но, вероятно, оно принадлежит к тому же порядку, к какому принадлежит очарование, овладевающее замагнитизированным субъектом. Обаяние составляет самую могущественную причину всякого господства; боги, короли и женщины не могли бы никогда властвовать без него.

Различные виды обаяния можно, однако, подразделить на две главные категории: обаяние приобретенное и обаяние личное. Приобретенное обаяние — то, которое доставляется именем, богатством, репутацией; оно может совершенно не зависеть от личного обаяния. Личное же обаяние носит более индивидуальный характер и может существовать одновременно с репутацией, славой и богатством, но может обходиться и без них.

Толпа всегда, а индивиды — весьма часто нуждаются в готовых мнениях относительно всех предметов. Успех этих мнений совершенно не зависит от той частицы истины или заблуждения, которая в них заключается, а исключительно лишь от степени их обаяния.

Теперь я буду говорить о личном обаянии. Этот род обаяния совершенно отличается от искусственного или приобретенного обаяния и не зависит ни от титула, ни от власти; оно составляет достояние лишь немногих лиц и сообщает им какое-то магнетическое очарование, действующее на окружающих, несмотря даже на существование между ними равенства в социальном отношении и на то, что они не обладают никакими обыкновенными средствами для утверждения своего господства. Они внушают свои идеи, чувства тем, кто их окружает, и те им повинуются, как повинуются, например, хищные звери своему укротителю, хотя они легко могли бы его разорвать.

Великие вожаки толпы: Будда, Магомет, Жанна д'Арк, Наполеон обладали в высшей степени именно такой формой обаяния и благодаря ей подчиняли себе толпу. Боги, герои и догматы внушаются, но не оспариваются; они исчезают, как только их подвергают обсуждению.

Великие люди, об обаянии которых я только что говорил, без этого обаяния не могли бы сделаться знаменитыми. Конечно, Наполеон, находясь в зените своей славы, пользовался огромным обаянием, благодаря своему могуществу, но все же это обаяние существовало у него и тогда еще, когда он не имел никакой власти и был совершенно неизвестен. Благодаря протекции, он был назначен командовать армией в Италии и попал в кружок очень строгих, старых воинов-генералов, готовых оказать довольно-таки сухой прием молодому собрату, посаженному им на шею. Но с первой же минуты, с первого свидания, без всяких фраз, угроз или жестов,

будущий великий человек покорил их себе. Тэн заимствует из мемуаров современников следующий интересный рассказ об этом свидании: "Дивизионные генералы, в том числе Ожеро, старый вояка, грубый, но героичный, очень гордившийся своим высоким ростом и своей храбростью, прибыли в главную квартиру весьма предубежденными против выскочки, присланного из Парижа. Ожеро заранее возмущался, уже составив себе мнение о нем по описанию и готовясь не повиноваться этому "фавориту Барраса", "генералу Вандемьера", "уличному генералу", на которого все смотрели как на медведя, потому что он всегда держался в стороне и был задумчив, притом этот малорослый генерал имел репутацию математика и мечтателя. Их ввели. Бонапарт заставил себя ждать. Наконец он вышел, опоясанный шпагой, и, надев шляпу, объяснил генералам свои намерения, отдал приказания и отпустил их. Ожеро безмолвствовал, и только когда они уже вышли на улицу, он спохватился и разразился своими обычными проклятиями, соглашаясь вместе с Массеной, что этот маленький генерал внушил ему страх, и он решительно не может понять, почему с первого взгляда он почувствовал себя уничтоженным перед его превосходством".

Обаяние Наполеона еще более увеличилось под влиянием его славы, когда он сделался великим человеком. Тогда уже его обаяние сделалось почти равносильно обаянию какого-нибудь божества. Генерал Вандамм, революционный вояка, еще более грубый и энергичный, чем Ожеро, говорил о нем маршалу д'Орнано в 1815 году, когда они вместе поднимались по лестнице в Тюильрийском дворце: "Мой милый, этот человек производит на меня такое обаяние, в котором я не могу отдать себе отчета, и притом до такой степени, что я, не боящийся ни Бога, ни черта, приближаясь к нему, дрожу, как ребенок; и он бы мог заставить меня пройти через игольное ушко, чтобы затем бросить меня в огонь".

Наполеон оказывал такое же точно обаяние на всех тех, кто приближался к нему. Сознывая вполне свое обаяние. Наполеон понимал, что он только увеличивает его, обращаясь даже хуже, чем с конюхами, с теми важными лицами, которые его окружали и в числе которых находились знаменитые члены Конвента, внушавшие некогда страх Европе. Рассказы, относящиеся к тому времени, заключают в себе много знаменательных фактов в этом отношении. Однажды в государственном совете Наполеон очень грубо поступил с Беньо, с которым обошелся, как с неучем и лакеем. Достигнув желаемого действия. Наполеон подошел к нему и сказал: "Ну, что, большой дурак, нашли вы, наконец, свою голову?" Беньо, высокий, как тамбур-мажор, нагнулся очень низко, и маленький человечек, подняв руку, взял его за ухо, "что было знаком упоительной милости, — пишет Беньо, — обычным жестом смилостивившегося господина". Подобные примеры дают ясное понятие о степени низости и пошлости, вызываемой обаянием в душе некоторых людей, объясняют, **почему великий деспот питал такое громадное презрение к людям**, его окружавшим, на которых он действительно смотрел, лишь как на пушечное мясо.

Даву, говоря Маре о своей преданности и преданности Бонапарту, прибавлял: "Если бы император сказал нам обоим: "Интересы моей политики требуют, чтобы я разрушил Париж, и притом так, чтобы никто не мог из него выйти и бежать", — то Маре, без сомнения, сохранил бы эту тайну, я в том уверен, но тем не менее, не мог бы удержаться и вывел бы из Парижа свою семью и тем подверг бы тайну опасности. Ну, а я из боязни, чтобы никто не догадался об этой тайне, оставил бы в Париже свою жену и детей".

Надо иметь в виду именно эту удивительную способность Наполеона производить обаяние, чтобы объяснить себе его удивительное возвращение с острова Эльбы и эту победу над Францией одинокого человека, против которого выступили все организованные силы великой страны, казалось, уставшей уже от его тирании. Но стоило ему только взглянуть на генералов, присланных для того, чтобы завладеть

им, и поклявшихся им завладеть, и все они немедленно подчинились его обаянию.

Обращайтесь дурно с людьми сколько вам угодно, убивайте их миллионами, вызывайте нашествия за нашествиями, и все вам будет прощено, если вы обладаете достаточной степенью обаяния и талантом для поддержания этого обаяния.

Но обаяние основывается не исключительно на личном превосходстве, на военной славе или религиозном страхе. Оно может иметь гораздо более скромное происхождение и все-таки быть весьма значительным. Наш век указывает нам много таких примеров. Одним из самых разительных является история знаменитого человека (Лессепса), изменившего вид земного шара и коммерческие сношения народов, отделив два континента. Он успел в своем предприятии не только вследствие громадной воли, но и вследствие обаяния, которое он имел на всех окружающих. Чтобы победить почти всеобщее недоверие, ему надо было только показаться. Он говорил несколько минут, и благодаря его очарованию, противники быстро превращались в его сторонников. Англичане в особенности восставали против его проекта, но стоило ему лишь показаться в Англии, и все уже были на его стороне. Когда позднее он проезжал через Саутхемптон, колокола звонили в его честь, а теперь Англия собирается воздвигнуть ему статую.

Между обоими концами такого ряда можно вместить все формы обаяния в различных элементах цивилизации: науках, искусствах, литературе и т.д., тогда будет видно, что обаяние составляет основной элемент всякого убеждения. Сознательно или нет, но существо, идея или вещь, пользующиеся обаянием, тотчас же, путем заразы, вызывают подражание и внушают целому поколению известный способ чувствований и выражения своих мыслей. Подражание чаще всего бывает бессознательным, и именно это и обуславливает его совершенство.

Из всего предыдущего мы видим, что в генезисе обаяния участвуют многие факторы, и одним из самых главных был всегда успех. Всякий человек, имеющий успех, всякая идея, завладевающая умами, уже на этом самом основании становятся недоступными никаким оспариваниям. Доказательством того, что успех составляет одну из главных основ обаяния, является одновременное исчезновение обаяния с исчезновением успеха. Герой, которого толпа превозносила только накануне, может быть на другой день осмеян ею, если его постигла неудача. Реакция будет тем сильнее, чем больше было обаяние. Толпа смотрит тогда на павшего героя как на равного себе и мстит за то, что поклонялась прежде его превосходству, которого не признает теперь. Когда Робеспьер посылал на казнь своих коллег и множество современников, он пользовался огромным обаянием. Но стоило лишь перемещению нескольких голосов лишить его власти, и он немедленно потерял свое обаяние, и толпа провожала его на гильотину градом таких же проклятий, какими она осыпала его прежние жертвы. Верующие всегда с особенной яростью разбивают богов, которым поклонялись некогда.

Под влиянием неудачи обаяние исчезает внезапно. Оно может прийти в упадок и вследствие оспариваний, но это совершается медленнее. Однако именно такой способ разрушения обаяния гораздо более действен. Обаяние, которое подвергается оспариванию, уже перестает быть обаянием. Боги и люди, сумевшие долго сохранить свое обаяние, не допускали оспариваний. Чтобы вызывать восхищение толпы, надо всегда держать ее на известном расстоянии.

Совершенно новое явление в истории мира и притом в высшей степени характерное для современной эпохи — это бессилие правительств руководить мнением толпы.

До какой степени критический дух мало развивается нашим университетским образованием!

"Во времена равенства, — говорит справедливо Токвиль, — люди не питают

никакого доверия друг к другу вследствие своего сходства. Но именно это сходство вселяет им доверие, почти безграничное, к общественному мнению, так как они полагают, что ввиду всеобщего одинакового умственного развития истина должна быть там, где находится большинство".

Несмотря на все трудности, сопряженные с их деятельностью, парламентские собрания все-таки являют собой лучшее, что до сих пор могли найти народы для самоуправления и, главное — чтобы оградить себя, насколько возможно, от ига личной тирании. Разумеется, парламент является идеалом правительства, по крайней мере, для философов, мыслителей, писателей, артистов и ученых, словом, тех, кто образует вершину цивилизации. В сущности же парламентские собрания представляют серьезную опасность лишь в двух направлениях: в отношении насильственной растраты финансов и в отношении прогрессивного ограничения индивидуальной свободы.

Первая опасность является неизбежным последствием требований и непредусмотрительности избирательной толпы. Пусть какой-нибудь член собрания предложит какую-нибудь меру, удовлетворяющую якобы демократическим идеям, например, обеспечение пенсии рабочим, увеличение жалования железнодорожным сторожам, учителям и т.д.; другие члены, чувствуя страх перед избирателями, не посмеют отвергнуть предложенные меры, так как побоятся показать пренебрежение интересами вышеназванных лиц, хотя и будут сознавать, что эти меры должны тяжело отозваться на бюджете и потребуют новых налогов. Колебания, таким образом, не возможны. Последствия увеличения расходов отдалены и не касаются непосредственно членов собраний, зато последствия отрицательного вотума могут дать себя знать в тот день, когда понадобится предстать перед избирателем.

Кроме этой первой причины, вызывающей увеличение расходов, существует другая, не менее повелительная — обязанность соглашаться на все расходы, представляющие чисто местный интерес. Депутат не может противиться этому, так как эти расходы служат опять-таки выражением требований избирателей, и притом он лишь в том случае может рассчитывать на удовлетворение требований своего округа, если сам уступит подобным же требованиям своих коллег.

Вторая из этих опасностей, представляемых парламентскими собраниями, вынужденное ограничение индивидуальной свободы, хотя и не так бросается в глаза, но тем не менее, вполне реальна. Она является результатом бесчисленных и всегда ограничительных законов, вотируемых парламентами, считающими себя обязанными так поступать и не замечающими последствий этого из-за своей односторонности.

Диктаторские меры, быстро увеличиваясь, постоянно стремились к тому, чтобы ограничить личную свободу, и притом двумя способами: ежегодно издавалось множество постановлений, налагающих стеснения на граждан там, где их действия прежде были совершенно свободны, и вынуждающих их совершать такие действия, которые они могли прежде совершать или не совершать по желанию. В то же время общественные повинности, все более и более тяжелые, особенно имеющие местный характер, ограничили еще более свободу граждан, сократив ту часть их прибыли, которую они могут тратить по своему усмотрению, и увеличив ту часть, которая от них отнимается, для нужд общественных деятелей.

Власть чиновников тем более велика, что постоянные перемены правления нисколько не влияют на их положение, так как административная каста — единственная, ускользающая от этих перемен и обладающая безответственностью, безличностью и непрерывностью. Из всех же видов деспотизма самый тяжелый именно тот, который представляется в такой тройной форме.

=====